

Беленький Сергей, Москва

s_belenky@mail.ru; телефон 8926 543 46 73

«Пожалуйста. Не кричите на неё, пожалуйста.»(часть 2) Год написания 2014-15

Действие происходит в маленьком северном городке, где 31 августа уже поздняя осень (в начале 80-х).

АННА ИВАНОВНА, библиотекарь в средней школе, около 50 лет

ФЕДОР ИВАНОВИЧ, учитель ботаники, около 50-ти лет, брат Анны Ивановны

МИША, сын Анны Ивановны и Александра, 21-22 года

ИВАН, друг, ровесник Миши

АЛЕКСАНДР, отец Миши, около 50 лет

ПЕТР ПАВЛОВИЧ, муж Анны Ивановны, прокурор в городе, чуть больше 60-лет.

СЕРГЕЙ, сын Петра Павловича от первого брака, около 25 лет

ТОНЯ, актриса цирка, жена Федора Ивановича, около 50 лет

КСЕНИЯ1, дочь Федора Ивановича и Тони, 20 лет

МАРИЯ ИВАНОВНА, соседка Федора Ивановича, 80 лет.

ВАРВАРА СТЕПАНОВНА, однокашница по институту Федора Ивановича, учительница в сельской школе, 45 лет

ЕВГЕНИЙ МАРКОВИЧ, муж Варвары Степановны, 55 лет

ОКСАНА, дочь Варвары Степановны и Петра Ивановича, 18 лет

Сестренка ВЕРА, дочь Анны Ивановны и Петра Павловича, около 6-ти лет

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, адвокат, около 50 лет

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, журналист, 30 лет

СВЕТА, учительница английского языка, 30-ти лет

АЛЕКСЕЙ, друг Александра

ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ, военный в отставке, учитель гражданской обороны

ЛЕНЯ, ЖЕНЯ школьные друзья Ивана и Миши

ТОЛЯ, молочник, 65-ти лет, Мужчина в телогрейке, его жена, следователь Сидоров, милиционер...

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ и НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ, младшие научные сотрудники, лет 25

Сцена 1 (5)

«Трамвай» и «тротуар». Оксана, Миша, его друзья, Контролер.

ОКСАНА – Почему он так долго в тюрьме...И не может же он не жалеть...

МИША – У нас в городе много из заключения...Возможно, там... В лагере не легко хорошо себя вести. Боюсь, и я бы сорвался.

ОКСАНА – Почему он с нами несколько кругов и снова остался...

МИША – Домой не решается или дома уже нет...

МИША – У меня дедушка и бабушка умерли в одном году. Неожиданно. В 1937.... «Я - баловень судьбы. Родился в 54-м. У сироты, Когда отец народов, слава жизни, Отбеспокоился о том. Мечтающей о сыне, Хотел ей стать «отцом», Желая все, кроме ума и денег. Весенняя пурга, супруга... не хмурься, пусть, по-твоему - подруга; у слова муж одно значение или два...» (Оксане) – А вы замуж хотите?

ОКСАНА – Хочу.

МИША – Не понимаю. Зачем?

ОКСАНА – Хочу детей..

МИША – Женщине трансцендентально дарован смысл жизни – дети. Не страшно?

ОКСАНА – Не страшно.

МИША – Тревожно. У меня будет семь или девять...

ОКСАНА – Поэтому ты в военной форме и в самоволке...

МИША – Да, смешно.

ОКСАНА - Кем же ты все-таки хочешь быть?

МИША - Быть или стать, стать - стариком, одиноким стариком. Я бы с детьми играл, в песочнице. Как вы думаете, почему дети любят играть именно в песок.

ОКСАНА – А как же жизнь и ее смысл. Ты о смысле жизни мне все уши прожужжал.

МИША – Да, как-то голо, неконкретно...невкусно.

К передней площадки трамвая бегут мимо Миши, он отвернулся, и вбегают, кое-кто с букетами цветов, друзья Миши и Ивана; торопятся в ЗАГС, обмениваются репликами.

СЕРГЕЙ (сын Петра Павловича) – Свобода – это свобода от иллюзий.

ЛЕНЯ (в спину Мише) – Солдат, а вы как думаете,...Смотрите, какая туча, что-то должно произойти...

ЖЕНЯ – Общество должно представлять собой – бродячих праведников.

ЛЕНЯ – Без женщин жить нельзя на свете, нет нельзя...

СЕРГЕЙ – Общество существует, чтобы помогать талантливым, а они сделают человечество счастливым...

ЖЕНЯ – Не думал, что Иван так рано женится. Он у нас – отличник, на вечеринки не ходил, с девушками я его не видел...

СЕРГЕЙ – В тихом омуте черти водятся. Ранний брак – еще и глупость...

ЛЕНЯ – Может сразу на свадьбу. В ЗАГСЕ – родственники соберутся.

ЖЕНЯ – Брак -- одно из таинств христианских. Мы – свидетели.

ЖЕНЯ – А где Мишка? У семейного очага? Почему его в институте не было...

ЛЕНЯ – Бросил. «Уйти, и обрести Того и Тех»...

СЕРГЕЙ – Его отец в военное училище устроил. Вообще-то, он ничего парень, только бесталанный, нет ярко выраженного интереса...Бесхарактерный...

Из кабины водителя трамвая звучит «Арлекино, Арлекино. Надо быть смешным для всех. Арлекино, Арлекино. Есть одна награда смех...»

ОКСАНА (*Мише*) -- Солдат, а вы как думаете? Свобода – это?

МИША (*задумывается, внимательно смотрит на нее*) – Это мои друзья...Уже не знаю... Опять, который раз. Что за день такой – «не знаю», «не понимаю». А ведь так хорошо знал, так много спорили...Чуть позже обязательно скажу -- не люблю эти «не знал», «не знаю», «это вопрос высшего руководства» ...Во всяком случае, свобода для того, чтобы не делать гадости. Понравилась тебе моя сестра? Сад «Светлое будущее».

ОКСАНА – А мне снова Улица Коммунистическая. Я буду жить у Федора Ивановича. Вышла воздухом подышать.

МИША – Воздуха, воздуха... Знаете, Федор Иванович – мой дядя... Грустно...

ОКСАНА – Я Родиону сочувствую...Да и не убивал он никого. Это ему и автору приснилось. Вина и преступление абсолютно разные вещи..

В трамвае друзья МИШИ С ними, МАЛЬЧИШКА, лет 10, брат Лени

МАЛЬЧИШКА – Интересно, если бы по радио объявили: «Делайте что хотите, ну – что нравится...»

СЕРГЕЙ – Воскресенье. Телевизор...

Трамвай качнулся, мальчишка нарочно наступает Сергею на ногу.

СЕРГЕЙ – Ты что, держаться надо (*хочет дать подзатыльник*)

ЛЕНЯ – Не тронь. Отец по воскресеньям дома не бывает...

ЖЕНЯ – Воскресение. Воскрешение.

СЕРГЕЙ – Воспитание...

ЛЕНЯ – «Мой папа самых честных правил» (*начинает собирать на билеты. Сергею*) – У тебя как всегда проездной, на все случаи жизни. Папа наличные не доверяет. Твой папа, Петр Павлович -- ум, честь и совесть нашего города...бессметен...

СЕРГЕЙ – Что это у тебя под глазом? Фонарь.

ЛЕНЯ – Иду я, честно говоря, беззаботный. Очередь большая. Встал. Оказалось, в винный отдел туалетную бумагу выбросили. Как назло, мент -- без очереди. Так ведь в спецодежде, по правилам, не отпускают. Табличка висела. Я ему указал. Да что он сам не видел.....

СЕРГЕЙ – Фонарь-то теперь у тебя, чтобы видел «кто есть кто». Глупо. Глупо думать, что что-нибудь изменится, что-то случится.

ЛЕНЯ – Ты – тоже бессмертен, но что-то должно измениться... Ты, по-моему, для своих лет чересчур умен. Кто не был безумно молод, тот никогда не станет мудрым. Только вот в жизни всегда что-то случается, только один к этому денежки копит или положение ... другой...

СЕРГЕЙ (*перебивает*) - Чувства добрые, да сердце чистое...

ЛЕНЯ – Вот, вот. Только чувства их в сундук не положишь, на дереве не спрячешь.

МАЛЬЧИШКА (*читает на стенке трамвая*) - «Правила пользования. Общие положения. 1. 1 Трамвай один из основных видов пассажирского транспорта города, многие здания которого представляют собой памятники истории, культуры, архитектуры и охраняются государством. 1. 2. Трамвай - общественное предприятие, связанное с повышенной опасностью. (*наклонив голову над портфелем*) – Сиди, сиди. Видишь как тесно...

ЛЕНЯ (*мальчишке, брату*) – С кем это ты?

МАЛЬЧИШКА -- С Филькой, собакой...

ЛЕНЯ – Где!? Так вот, почему ты с портфелем повсюду таскаешься. Учти, разорвешь – без портфеля останешься. У матери и без тебя сейчас забот...

МАЛЬЧИШКА – Сколько людей в трамвае, и все о чем-то напряженно думают – у меня даже голова разболелась (*направляется к другому концу трамвая, портфелю*) – Пойдем, а? (*тянет на веревочке портфель по салону трамвая*) - Тихо. Не лай. Тебе учиться надо...

Тротуар

МИША -- Ты спрашиваешь, почему? «И если жалость не дана в удел сердцам невежд, а только мудрым сердцем, то диво ли, что мы платить должны страданием за чуткость сострадания» .Антигона. Иван – в драмкружке хотел поставить...

ОКСАНА -- Что, что... опять цитата. Ты все по книжке живешь...

МИША -- Нет, хотя да. Здесь действительно одна книга. Точнее две. Не для женщин...
Первая

ОКСАНА – «Острова в океане»

МИША -- Название похоже. Только не в океане. Группа островов, расположенных близко друг к другу и имеющих обычно одно и то же происхождение. Сергей дал на две ночи.

ОКСАНА – А вторая?

МИША – Благая весть. Тоже отделена от государства.

МИША -- Понимаешь, я должен узнать, что же меня действительно волнует...

ОКСАНА -- Смешно, ты разве не знаешь (*Оксана убегает. Миша, стоит, задумчиво улыбается и бежит, догоняет*).

ОКСАНА - Чем ты занимаешься?

МИША - Для начала собираюсь квартиру снять.

ОКСАНА - Вы богаты?

МИША - Руки, ноги пока целы. У меня такое чувство, что я их в первый раз увидел. Чувствую, голова мне сейчас особенно необходима...

ОКСАНА - А если плата за несколько месяцев вперед?

МИША - Да - да, нет – нет.

ОКСАНА - Или что-нибудь придумаем

МИША - Нет, кажется, я уже не такой.

ОКСАНА – Какой – не такой. Я в институт не поступила, а матери сказала – поступила. Хорошо, что она списки не стала сама смотреть, нервничала. А балл у меня – полупроходной, дочь ее знакомой с моим баллами взяли. Мать сказала, чтобы писала –в общежитии не нуждаюсь, я написала – нуждаюсь. Я на вечернее отделение попробую. И работать стану – медсестрой. И все же, куда мы идем?

МИША - Квартиру снимать. По объявлению. Давайте вместе... Ну, как брат и сестра.

ОКСАНА - А как же свадьба?

МИША - Вы серьезно?!

ОКСАНА - Ты же на свадьбе друга должен быть... Я буду жить у Федора Ивановича... У него дочь уехала.

МИША – Куда уехала, как уехала... Ксения. Она с Иваном в загсе должны быть, расписываются. А вот и наш ЗАГС, запись актов гражданского состояния, и никого... .. Кстати, единственное место, где мы почти свободно почти изъясняем свою гражданскую волю. Однако, впоследствии, в случае развода может возникнуть судебное разбирательство, правда процесс будет открытым, но необязательно показательным. А вот и ИВАН (*ИВАНУ*) – Где Ксения?

ИВАН – Не знаю... Собиралась домой к отцу, затем в парикмахерскую... Может, в парикмахерской еще... Опаздывает...

МИША – На нее похоже.

ИВАН -- Зайдите внутрь. Потяните время. У них рабочий день заканчивается. Уже несколько раз выходили, спрашивали... Я побегу в парикмахерскую.

ОКСАНА и МИША входят в ЗАГС

РЕГИСТРАТОР (молодая женщина) -- Быстрее, быстрее... Все домой спешат, всем домой надо... (Оксане) Ксения?

ОКСАНА – Да.

РЕГИСТРАТОР (Мише) – А ты – уже солдатик. Как это романтично. Паспорта, конечно, уже нет. Свидетелей тоже. Да, ладно. Романтика.

ОКСАНА – Я...Мы...

МИША (перебивает) – Подожди. Время надо потянуть...

Звучит марш Мендельсона. -- Объявляю вас мужем и женой...

МИША – Ну, вот: мы – муж и жена.

ОКСАНА (всплескивает руками) – Да, вы хоть над чем-нибудь можете не смеяться. (поворачивается спиной, и уходит).

МИША – Я самый грустный солдат на свете. «Пять грустных солдат не вернулись из схватки военной...» И Ивана нет. Где все? Как это Ксения, опять опоздала. Что значит уехала?

Трамвай. Контролер, не кондуктор, доходит до ребят.

ЛЕНЯ (громко, на весь трамвай, спрашивает) – Товарищи. Как мы действительно относимся к Александру Солженицыну?!

Контролер срывает с ребят шапки, поднимет руку с красной книжкой, кричит водителю – Двери не открывай (пассажирам) Трамвай до конечной пойдет без остановок.

Контролер выходит из двери водителя и бежит к телефонной будке, за ним закрываются двери. Водитель, чуть выждав, выпускает ребят. В вагон входит ЖЕНЩИНА, жена МУЖИКА В ТЕЛОГРЕЙКЕ – «...»

МУЖЧИНА в телогрейке) -- Еду, еду к миленькой...

ЖЕНА -- Да сиди уж ты. Как же тебя домой-то?

МУЖЧИНА – Прости. Засранца.

СЕРГЕЙ (Лене) - Скажи честно, ты билеты взял? Я бы заплатил за всех.

ЛЕНЯ – Да были, были у меня билеты! Чего он, шапку схватил и у водителя заперся.

(младшему брату) А ты чего ревёшь.

МАЛЬЧИШКА – Не честно. Как же ты без шапки домой придешь...

ЖЕНЯ – ...Без шапок...Ревь, реви. Это – не стыдно. (Сергею) Ты-то чего, ты чего испугался. Ну, позвонил бы папе из отделения. У тебя проездной.

МАЛЬЧИШКА – Как же ты без шапки домой придешь...

СЕРГЕЙ – Дураки-наивные. Расходимся быстро.

ЖЕНЯ – Мы в ЗАГС опоздали...

Сцена 2 (11).

Подъезд дома, где живут Федор Иванович... Федор Иванович спускается вниз. Вбегает Миша. Позже квартира Александра. АЛЕКСАНДР, МИША, АДВОКАТ ВАСИЛИЙ, ФЕДОР ИВАНОВИЧ

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Поднимаясь по лестнице, я замечал как деревья становятся тоньше и тоньше, каждый шаг тяжелей, а сердце все больше и больше. Вот достиг я ветвей, вот качнулась одна. Не смотреть бы мне вниз, не смотреть бы туда...

МИША – От зноя площадей и улиц сладострастия, где солнце лицедей приоткрывает платя – вбежать в прохладу твоего подъезда...

Федор Иванович и Миша встретились.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Ты, где пропадаешь?!

МИША – Влюблен.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – ...

МИША – Меня Петр Павлович в военное училище пристроил.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Почему по имени-отчеству ...

МИША – Софья Львовна сказала, а Марья Ивановна промолчала. Значит правда. ...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Ты знаешь, Ксения ...

МИША – Ксения в Загс не пришла.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Это всё я виноват...

МИША - Все должны вечером собраться.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Где же? В вашем подвале. Я приду. Куда ты идешь? Ты знаешь?

МИША – Не знаю. Жду, пока все соберутся. Думаю, придет. Я собираюсь квартиру снять по объявлению.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Зачем? И почему ты здесь, не в училище?

МИША – «Господь, дай обрести страданье, и мертвенность моей души рассей».

Неправильная цитата. В вашем доме, над вами. Мне необходимо побыть одному...или уже вдвоем или уже не для себя. Почему вы так смотрите.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Над нами ? Не может...Миша, я бы тебя понял, если бы ты ...был ...как-нибудь определился...нужно систематическое образование...Как же мать...Над нами...странно...Ты не ошибся? Ты ошибся. Над нами квартира давно пустует. Я зайду. Я чуть позже зайду.

МИША – Все куда-то хотят прийти. А я никак не могу уйти. «Уйти и обрести того и тех»... Цитата.

Сцена 3 (12)

Тот же подъезд. В подъезде молодые люди слушают «Битлз», на полу бутылка вина. Влюбленная пара у окна подъезда.. Александр перед дверью своей квартиры, хочет позвонить, опоминается... Кто-то проходит мимо -- «Там давно никто не живет. Старики умерли, а сын где-то пропадает. Слухи были, что сидит...Давно надо бы взломать... Люди в очередях на жилье годами стоят...» Александр долго ищет, открывает ключом, проходит, не раздеваясь и не зажигая света. Ходит в пальто по комнате, зажигает свечу, смотрит на фотографии, портреты на стенах, из бара берет бутылку коньяка, садится в кресло. Тень Анны. МИША.

АЛЕКСАНДР (*читает листок, лежавший на столе*) - Абрис лица - как парус белый, Что полон ветром и тоской, Одним лишь небом окаймлен -- Тугой, он реет над кормой. Ко мне - то ближе он, то дальше, А ветер все теплей и жарче, Все громче роковой прибой. Вдруг тишиной, как болью скован, Клонится молча над волной. Волна полощется, ласкает. Солдатка каждый год стирает – Белье – Давно ушедшего на фронт... (*отбрасывает, выпив, отходит к окну*).

ТЕНЬ И ГОЛОС АННЫ (*матери Миши*) – Что случилось?

АЛЕКСАНДР – Меня вызывал следователь. Я продал две картины иностранцам...Нам нужны деньги. На всякое счастье и несчастье нужны деньги. Ничего страшного. Просто предупредили.

ГОЛОС АННЫ – А в худсовете?

АЛЕКСАНДР – По-прежнему не понимают. Кто-то пошутил похоже на детское «каля-маля», «почему –мрачно», «не завершено» -- все смеялись. А в школе – почему-то - педсовет, на моих уроках рисования – нет дисциплины...

ГОЛОС АННЫ – Не понимаю. Он кричал, наш ребенок. Я ждала кормить, пришли, сказали «не выжил».

АЛЕКСАНДР – Я говорил с врачом, хотел забрать...похоронить. Удивилась. Уже отправили в какую-то лабораторию ...Я прошу тебя... Уедем, мы должны, нам необходимо хоть на время уехать.

ГОЛОС АННЫ – Не обманывай меня, себя. Это – навсегда. Вернуться будет невозможно.

АЛЕКСАНДР -

Александр возвращается в кресло, выпивает, закрывает глаза. В комнату Александра

входит Миша, смотрит на Александра, робко и безуспешно пытается обратить на себя внимание и опускается в кресло напротив.

АЛЕКСАНДР (*замечает, спокойно*) - Вам кого?

МИША - По объявлению. Вы квартиру сдаете. Я стучал, дверь была открыта... и темно. Решил войти. Подумал, может, случилось что...

АЛЕКСАНДР – Нас всех подстерегает случай... Что-то со светом. Не трогайте выключатель. Посидим пока так ...

Садятся, по потолку проходят полосы света от фар проезжающих внизу машин, внимательно смотрят друг на друга, отворачиваются, внимательно смотрят

АЛЕКСАНДР - Где-то я вас видел?

МИША - И я... Вспомнил, у трамвая.

АЛЕКСАНДР (*облегченно*) - Ах, да, да. Учитесь?

МИША - Учусь ... Нет, уже не учусь.

АЛЕКСАНДР - Что так? Впрочем, не хотите - не говорите.

МИША - Почему бы не поговорить! Только вот о чем!? Хорошо бы о чем-нибудь конкретном, я пока ничего не знаю (*вскидываясь*). Как хочется поговорить о чем-нибудь неспешно, толково... Может, о рыбалке. Да, и то не знаю, только скучно мне на рыбалке. Разве, что, вот об этом угле (*занавешенная картина. Миша приподнимает ткань и замирает. Александр быстро закрывает холст*). Вы художник? Простите, я иногда становлюсь нахалом...

АЛЕКСАНДР – Был. Незаконченный портрет. Теперь – скажем, хирург, патологоанатом. Хотите? (*предлагает выпить*)

МИША -- Сухое. Светлое, если можно.

АЛЕКСАНДР - С годами хочется чего-то горького или, по крайней мере – терпкого. Нет, нет. Пока не чокаясь (*выпивают*).

МИША (*отходит к окну*) – Напротив, в окнах уже темно.

АЛЕКСАНДР - Рано выключают свет. Роддом, больница. Внутри кто-нибудь обязательно бодрствует, свет мелькнет.

МИША – Я знаю. Я там родился. И знаете, меня с умершим младенцем перепутали. Мать как-то проговорилась. Позже все как-то разъяснилось... Дом напротив -- больница. Краска на стенах крошится, Или мне это снится, Или потек в этот год Неба чистого свод. В зимней ночи без снега Дом напротив белее. Голый асфальт, да песок. Чутко болит висок... Значит нужно усилие? Что-то похолодало.

АЛЕКСАНДР (*прерывая его*) - Что с вами?

МИША - Дурачусь. Простите, быстро хмелею. Товарищ говорил, что ему легче всего думается в больнице. Можно я позвоню?

МИША – ...*(Миша задумывается над телефоном, начинает набирать номер, задумывается, кладет трубку, Александр смотрит в окно, затем трогает его за плечо)*.
АЛЕКСАНДР - Молодой человек?

МИША - Простите! Пожалуй, пойду *(собираясь уходить)*. *(Грустно)* Я в последнее время постоянно о чем-то думаю, мне необходимо кое-что додумать, если я вообще думаю. То есть я не думаю. Мне надо подумать о чем-то конкретном. Не знаю. *(весело)* Люди от меня что-то скрывают, скрывают и свою радость. И в то же время, ко мне радостная мысль придет – кажется, кого-то обманываешь. Где-то прочел, представление иностранца о России, старой, разумеется: «Грешники и грешницы на вокзалах, в поездах каются, а в кабинетах святые книги пишут»... *(Весело)* Жизнь – трагична, но прекрасна.

АЛЕКСАНДР – Тоже где-то прочли...

МИША - А вино нам будет воображение...

АЛЕКСАНДР – ...согревает сердца, мы – люди северные... Трезво весел, как ребенок, - только наш Дедушка Мороз. Со временем человек обретает не обязательно только чувство покорности, а – смирения. Есть сокровенные радость и сокровенное горе... Есть жизнь – не на показ...

МИША – «Молчи, скрывайся и таи и мысли, и мечты свои»... «Мысль изреченная есть ложь»... Жизнь – дар?

АЛЕКСАНДР *(открывает новую бутылку вина)* - Можно быть пророком, можно жить пороком, можно жить болезнью, можно жить заботой, можно жить просто хорошо... Есть люди достойные презрения, есть люди достойные признания. Охота - плути неволи. Жизнь еще – и испытание, но надо выпить чашку ее в меру, во время, по силам и до конца. И всегда есть жизнь достойная. Достойная этого слова ...

МИША - Я только никому не хочу причинить зло, я никого не хочу использовать в своих целях...

АЛЕКСАНДР – Нужно просто научиться работать. Значит так, я скоро уезжаю, и не знаю, когда вернусь. Видите ли, я бы не хотел глупых недоразумений. Есть некоторые условия. Скоро придет мой друг, адвокат, но мне необходимо совсем немного о вас узнать...

МИША – Мой дядя, Федор Иванович живет под вами... Возможно, он за меня поручится...

АЛЕКСАНДР *(сдавленно)* -- Ты -- племянник Федора, ты -- сын Анны...Ивановны.....
Послушай-ка, *(пауза)*... Так вы оставили школу? Почему?

МИША – Институт...Сразу не ответишь. Как-то все вместе сошлось, в одну точку, но... каждому свое выпадает. Не школу, институт. То есть теперь военное училище. Возможно, я бы сейчас и вернулся в институт, но – теперь уже поздно. Все в жизни так легко объяснимо. Что же я так не пойму... Книжки, книжки... но хлеб я хочу зарабатывать руками, а голова мне сейчас особенно необходима. Знаете, в Северной Корее опера вышла -- «Мы растем как будущие научные работники». Не хочу -- одно излагать, а другое исповедовать...

АЛЕКСАНДР – Что ж ты исповедуешь?

МИША – Есть кое-какие представления. Не мои, конечно. Вот я и попробую, проверю, непосредственно.

АЛЕКСАНДР – Разве можно чужими? Разве можно – непосредственно...

МИША -- Я не хочу оправдываться, я хочу оправдания.

АЛЕКСАНДР – А постоянно приходится, и вино пьешь светлое. Горный орел время от времени бросается вниз, чтобы напиться живой крови...

МИША – Чужой крови. «Пишите кровью – и вы узнаете, что кровь есть дух» Надеюсь, у меня хватит сил - не распустить крылья. Вы смеетесь надо мной. Почему вы улыбаетесь, словно вам все и заранее известно? Я у вас и у вашей дочери пока руки не прощу...

АЛЕКСАНДР – Да, да, извини, улыбнулся. В том то и дело, что пока... впрочем, дочери у меня нет. Ницше читал. Что же ты еще читал...

МИША – Мы прочитали Павла Флоренского, немецких романтиков, французских «проклятых» поэтов, русскую классику. И «Капитал» Карла Маркса. Читали, читали... «Иностранку» и нелегальные журналы предпочитаем современным отечественным, которые вызывают отчуждение, порой несправедливое. Иногда, случайно, взяв с полки книгу, зачитывались, а на следующий день несли поделиться с друзьями. Приятная радость открытия. В этом случае, всегда оказывалось, что автор «умер» в 37-м, журнал издан в 60-е. Мы прочитали Авторханова, Александра Солженицына и многих других. Слушаем, напрягая слух, кассеты квартирных концертов Окуджавы и Галича; слушаем «Битлз», радио «Свобода» и «Голос Америки» о России, которые глушатся, и потому еще более отчетливо сквозь «свист, завывание бури» слышно, как гибнет одинокий человек. Одно рождало восторженную неясность, радужную неопределенность, беспечность, другое – жгучее желание, томление, боль, то и другое – тревогу. Наше радио – ясное громкое не достигает слуха... Жили весело, легко, и пили настоящее хорошее сухое вино, но легкой жизни не искали. Будущность, наивно, виделась простой и очень определенно, а хотелось смысла. ... Кто множит горе, тот – преступник.

АЛЕКСАНДР – У тебя действительно могут быть возникнуть сложности...и действительные неприятности. Мать...

МИША (*довольно захмелев, перебивая*) – Может и хорошо. Да, надо мной можно смеяться. Свобода, имя этой таинственной незнакомки, возлюбленной было у всех на устах - от младенцев в люльках до стариков на смертном одре. Хотя, возможно, и только у них. Должно быть, я был просто нерадивый ученик. Слова, великие слова дурманили мне голову и волновали кровь, я уносился на их крыльях, словно в сказке о сером волке за прекрасной царевной... И вот ... Скажите, вы испытываете потребность в чести, свободе, любить...

АЛЕКСАНДР - Да, и сейчас как никогда прежде.

МИША – И я надеюсь, место честного человека не только в тюрьме, психушке, под забором, у барьера или у стойки, если уж у стойки, то днем честного человека. Что еще можно навещать больных товарищей, писать и приносить письма и передачи...

АЛЕКСАНДР – Что же ты сейчас читаешь?

МИША – «Оправдание добра» Владимира Соловьева.

АЛЕКСАНДР – Книга – большая. До конца, конечно, не прочел, не успел... Некоторые стороны его жизни и мне не понятны... жил в гостях...

МИША – И я до конца не понимаю, что такое мистика... не могу обхватить умом... то, что нельзя обхватить умом...

АЛЕКСАНДР – Ты даже не понимаешь, о чем я говорю... У тебя есть девушка...

МИША - Да. Не знаю, знает ли она. Кажется, знает. ...

АЛЕКСАНДР – Кем же ты хочешь стать? Извини, если тебе неприятно мое любопытство...

МИША – Человек силен своей слабостью, любовью, состраданием и жалостью... У каждого есть сокровенное. Ваши слова. Я не люблю тех, кого называют, ... скажем, страстные люди. После них пустота... Вы опять улыбаетесь.

АЛЕКСАНДР – Разве, это – слабость. Просто давно не улыбался... и может быть, чистое небо. И может быть, кто-то просто должен унести что-то с собой...

МИША – Может и отца встречу...

АЛЕКСАНДР – А Петр Павлович...

МИША – Отчим. Я говорил про роддом. Думаю, мать ради меня замуж вышла. Она и Петр Павлович – несчастны... Я вырос в вполне обеспеченной семье, хотя никогда не вникал и долгое время был в полном неведении относительно нашего положения в обществе. Какая-то вина матери перед отчимом тяготила ее. Возможно, она так и не смогла полюбить его. Не понимая отчего, я всегда чувствовал, что и отчим несчастен. Хотя он в свою очередь относился к нам с матерью с плохо скрываемой жалостью, сменяющейся приступами необъяснимой ярости. Все это жило под спудом обычных для нашего положения благопристойных отношений. Жизнь матери - полна заботой, и всегда с предощущением праздника. У меня - сестра. Мое детское воображение часто занимали картины героических поступков и осчастливленных родителей... (*пауза*) Теперь вы надолго замолчали?

АЛЕКСАНДР – Зачем тебе отец. Сколько тебе лет. Не отвечай. Иди сейчас домой. А я приду. Я завтра приду...

МИША –... Вы куда-то уезжать собирались, сейчас многие... Не могу я сейчас домой...

АЛЕКСАНДР – Почему?!

МИША – Мне показалось, вы должны меня понять. Власть может быть порочной... «Человек может жить пороком» -- ваши слова.

АЛЕКСАНДР – Недолго... Человека могут подавить только собственные... несовершенства.

МИША – Совершенствования и усовершенствования – слова разные. Просто, хочу жить своими мыслями и чувствами. Хочу говорить то, что думаю. Почему это так непросто.

Почему, это, действительно, так трудно. ...Разве можно чужими? - вы спросили. Чужими - не интересно.

АЛЕКСАНДР – Можно. Думать – действительно трудно. Поверь, не только в России, не только в XX веке. Для человека – всегда. Постой, я должен тебе сказать...Нет. Знаешь, мы с тобой потом, потом поговорим... Пойми, ты еще захочешь быть просто счастливым... Утром я подставил руку под бьющую струю холодной воды. Струя, разбиваясь, скрадывала, и рука казалась тоньше...Я вспомнил детство, лето, утро после ночного дождя...

МИША – Наверное, вам надо дописать тот портрет... Я видел мельком, но ее лицо поразило меня. Выражение скорби, но скорби и веры, того страдания, которое не иссушает душу, а делает её живой. Что – то знакомое...

АЛЕКСАНДР - Да (*резко*) Почему? А рисовал для себя, потому что я хотел рисовать и рисовал, чтобы хотеть рисовать... Дело не в этом. Один раз я сильно надеялся, сильно надеялся... О чем я, черт. Дело не во мне... Ты должно быть измаялся по улицам... Мир - не богадельня... ... В монастырь – не получится. «...И у сеанса есть свой срок, И лента перепуталась с другой, и лента мнется - жаль, если порвется, ведь в зале остается, кто ждет и верит»... Тоже цитата, друг поет..

МИША – Вот я и хочу трудиться. Мне тревожно – и хочется трудиться, найти свое дело. Но уже не страшно.

АЛЕКСАНДР – Я не могу тебя просить. И все-таки, я тебя прошу...

МИША - Разве я могу кому-нибудь помочь. Разве может кто-нибудь кому-нибудь помочь. Разве я могу что-нибудь сделать самостоятельно и благодарно.....

АЛЕКСАНДР – Попробуй... Пойди сейчас домой. А я приду. Я завтра приду...

МИША – Все хотят куда-то прийти, а я никак не могу – уйти...

Входят адвокат, Василий Васильевич, зажигает свет. Позже Федор Иванович)

АЛЕКСАНДР (*заметив при свете, Мише*) – Ты в форме, не снял форму?

МИША (*шутя*) – Мы должны защищать то, что нам дорого... Или мы в плену... (*быстро уходит*)

АЛЕКСАНДР (громко) – До завтра...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ (*Александру*) – У тебя был...

АЛЕКСАНДР (*быстро*) – Парень. По объявлению. Спасибо, что дал.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ – По-моему, это...

АЛЕКСАНДР (*обрывает*) – Не надо. Я знаю.

(*Входит Федор Иванович, из коридора*) -- Извините. Открыто. У вас нет моего ученика? Мне бы надо дать ему поручение. (*Входит в комнату. Все долго молчат*)

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ - ...Поручение, конечно, – выучить стишок...

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Да, и стишок выучить... Вот и встретились. Вот как встретились.
(Все долго молчат).

ФЕДОР ИВАНОВИЧ – Саша, Анна подала на развод с Петром. И сейчас она -- одна...

АЛЕКСАНДР – Вася. Разлей по стаканам, за встречу. Я сегодня что-то смертельно устал... Я рад вас видеть... Встречи – проводы -встречи. ...Вася, я задержусь ненадолго, есть время. Василий, устрой меня поработать. Знаешь, я стал не плохим хирургом.

ВАСИЛИЙ – Сейчас позвоню (звонит) – Можешь завтра выйти на скорой помощи?

АЛЕКСАНДР – Хирургом. Хорошо. Так бывает?

ВАСИЛИЙ – У нас все бывает. (в трубку) Нет бензина?! Будет бензин, запишите телефон. Скажи, от меня.

АЛЕКСАНДР (берет гитару) - И боже мой, и черт меня возьми... Палач и плач, и проходимец... И как всегда, и невзначай Лесное озеро у Средней полосы России... И ночь, и тишина, и немота От боли и до боли...

ВАСИЛИЙ – Любил я вас послушать. Может в кабаке рванем. Есть очень приличный. И у меня знакомства...

Сцена 4 (13).

Комната, полуподвал, в котором когда-то собирался школьный драмкружок. Тесно. Много молодых людей, и юных. Разговоры. ИВАН. ДРУЗЬЯ. Позже КСЕНИЯ1, МИША, ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ

ЛЕНЯ (наигрывает на гитаре) – А мною правит взгляд украдкой и нежный взор. Хотя, постой. О вы, кто за порогом юности беспечной Вдруг ощутил дыханье смерти В весеннем теплом ветерке, Что лаской жжет до самой кости О, не любите на земле. О нет, о да, узрите вы блаженство И станет ясен вам покой Двух гордых звезд, Движение лодки среди тростника Во тьме ночной... Но боле – вам не встречать весны без боли... Есть чувства, что не передать словами. Прикосновение – есть, что может все сказать...

СЕРГЕЙ (берет со стола книгу) – «Антигона» Софокл (ходит с книгой в руках, заглядывая). Кто же такое читает?

- Иван... Предлагает попробовать поставить...

СЕРГЕЙ (читает) – Антигона. «О склеп могильный, брачный терем мой И вечный страж - подземное жилище! Иду к своим, без счета Персефоной В обитель мертвых принятым. Из них Последняя и с наихудшей долей Схожу в Аид, хоть жизни путь не кончен. Но верится, что там отрадой буду Отцу; тебе я милой буду, мать, И милою тебе, мой брат несчастный: Умерших, вас я собственной рукой Омыла, убрала и возлиянья Надгробные свершила». Голодная смерть в могильном склепе – хороший брачный теремок.

СЕРГЕЙ - А хор поет: «Чтить мертвых — дело благочестья, Но власть стоящего у власти Переступить нельзя: сгубил Тебя порыв твой своевольный». А хор поет: «Все ж тебе, умирающей, Честь и слава великая, Что — живая — стяжала ты Богоравный удел!» Ну, хор и нашим, и вашим. Это вообще - то чем? Гемон – «Не государство - где царит один». Креонт – «Но государство - собственность царей!» Гемон – «Прекрасно б ты один

пустыней правил!»

-- Между прочим, я читал недавно о древних грехах, .. грехах; Очень жесткое мирозерцание, мифология, требующее необычайного мужества от каждого человека... Милосердие до христианства – почти не просматривается...»Убийство мужа – не убийство кровного»

- Мифология, как и религия – не убеждения, не индивидуальные представления, а народное мировоззрение

- Религию, ведь тоже, кто-то строил, формировал. Жизнь. Экономика. Право. Ереси. Пророки. Святые. Философы. Соборы.

СЕРГЕЙ – Съезды...(читает) – «Что значит без нее. Её – уж нет».

-- Греки создали искусство, науку... Судьба, род. Свобода – как противоположность восточному деспотизму, гражданские права; общественное благо, пафос как противоположность дерзости. «Боги одни беспечальны, удел человека – страдания...»

-- Афины: оливки и частное предпринимательство. Серебряные рудники в общегражданской собственности...

- Религия образов сменилась империализмом- своеволие Афин, основанное на прошлых заслугах, в распоряжении казной военного союза; стремление к гегемонии во внешней торговле .....

-- Война Спарты и Афин - борьба двух идеологий...Спарта превратила коренное население в рабов...Спарта: единая идеология, бедное равенство, война и личное мужество...Сократ симпатизировал...

- И у Афин были: граждане и пораженцы в правах...

-- Из-за Микен и столкнули, стремясь к морской торговле, экспорту...

-- Греки были нищие, и даже своих детей новорожденных выбрасывали на обочину, подберут – не подберут...Средняя продолжительность жизни 34...

- Однако Сократ прожил – 70 лет, Софокл – 90, Платон – 81, Еврипид – 76, Солон – 94...

-- Сократ - казнен, выступая за личную нравственность и общественное благо, перед смертью попросил принести жертву богу врачевания, Асклепию. В обвинении Сократа объединились охранители и софисты... Сократ - интересный мужик. В себе очень сомневался, а оракул назвал его мудрейшим из афинян. – Я хотя бы знаю, что ничего не знаю. Ну, и ходил, ко всем приставал с вопросом – в чем того достоинство, смысл жизни? На суде в качестве казни по заслугам попросил бесплатный общественный обед, а потом признал верховенство афинских законов и свою смертную казнь.

-- Для меня Солон за прошедшую человеческую историю – мудрейший политик. А из драматургов – Еврипид, писал в кризис полисного сознания уже не только для блага полиса, но и индивидуума. А «Антигона» Софокла, читал – предостережение самому мудрому отцу-основателю расцвета демократических Афин - Периклу, его авторитарной власти во времена этого самого расцвета. Кстати, позже поражение в Пелопонесской войне, возможно, связано с его решением закрыть город, возникшей эпидемии.

- Если уж думать о связи исторических событий и изменений народных верований, то прошедшие события 20-го века должны бы научить подлинному состраданию... Древние греки – детский сад, игрушки...

СЕРГЕЙ – Ну, уж спасибо. История 20 века, да и вообще, не для здорового рассудка. А уж действия правящих элит любой страны... цензурно не определишь, поэтому и цензура. И лучше не трогать – испачкаешься. Имей свой кабинет, занимайся наукой - игра ума, напряжение мысли – единственный и высший кайф, есть, конечно, еще наслаждения б спорт, любовь. а в шкафу книги и коньяк, и чтобы друзья приходили. И в мире много свободных финансовых средств. Деньги, возможно, и – зло, но могут послужить хорошей жизни.

– На некоторых свободных финансовых средствах вырос германский фашизм.

- Как рассказать, как осветить...

- Антигона – дочь Эдипа..

СЕРГЕЙ – Да, родству не позавидуешь. Развитие многих болезней, обусловленных наследственностью и образом жизни, проходит через кризисы, которые возникают в определенных ситуациях и могут иметь различные исходы. Иногда мы используем слово «кризис» при определении этапа естественного развития. Например, кризис переходного возраста. Иногда естественное следствие порока – «крах и гибель» - называем «кризисом». В начале болезни приходит врач. и при определении состояния больного и назначении лекарств использует много не слишком понятных для самого простого смертного слов. В то время как для большинства окружающих больного все понятно и объяснимо. В конце – приходит священник. Все кончается судорогами и происходит только неизбежное, и только так.

ДЕВЧОНКА (*задумчиво*) – ...Рождаются дети...

СЕРГЕЙ – Не перебивайте старших. А прихоть короля Лира надо начинать ставить со сцены, когда по его милости насилуют и убивают в тюрьме Корделию. Диспутов я не хочу. Нас пригласили на бракосочетание или диспут. Хотя диспуты – сейчас модно. ...Где счастливые лица влюбленных, где их горящие глаза, в которых звучат горячие клятвы в вечной любви, похожие на детский лепет, вся прелесть которых в их иллюзорности, которая очевидна и самим обладателям высокого звания «человеки». Когда же они нас то поражают... Или уже о нас забыли...

ЛЕНЯ – Ты успокойся, не смешно. Где они действительно... У христиан брак – таинство...

СЕРГЕЙ – Видимо так. Таинственно исчезли.

ЛЕНЯ - Как это у Ивана – Любовь и страсть, и страсть еще сильнее, сама в себе предчувствуя погибель.

СЕРГЕЙ – Это уж конечно. Да, и не могу я успокоиться. Ибо желание – достояние только свободных людей, рабы всегда найдут ярмо, вину; не быть - стать: господином или жертвой...

Появляется КСЕНИЯ1

КСЕНИЯ1 -- Ребята, бракосочетание не состоится...или переносится. Актеры – больны... Билеты в кассе возвращают...

Все примолкли

ДЕВЧОНКА -- Любовь – это дело парное. Я знаю, скоро у нас, у каждого будут компьютеры. Такая штука. Все будут знать, что «хорошо», что «плохо».

СЕРГЕЙ – Правильно, моя девонька. Можно я вас приглашу на танец, пока нет персональных компьютеров. Только надо все устроить – уметь: каждого на свое место посадить, да объяснить, как следует, так чтоб он потом с благодарностью ... Правильно говорю?.. Между прочим, наш ботаник сам во всем виноват - я ему намекал, почти предупредил, мог бы побеспокоиться, предпринять...

ДЕВЧОНКА – Одно не понимаю... Только и слышно – подрастешь, тогда поймешь, тогда и узнаешь... Спросишь, а во ответ: «Глупая, всё давно всем ясно, все уже знают, почему...»

СЕРГЕЙ – Пожалуй, могу с тобой позаниматься...

Входит Иван.

СЕРГЕЙ (*делает вид, что не заметил*) - Между прочим, интеллектуальная и экономическая жизнь детей соответствует жизни родителей ... и должна соответствовать... А ранние браки – просто глупость. Любовь, безусловно, не для детей – для созревших организма и интеллекта. А то некоторые отсутствие мозговых извилин заменяют романтическими или иными бреднями. ... Кто он вообще этот Иван, кто знает его родителей... Почему он живет в этом полуподвале, работает дворником...

ИВАН -- Интеллект - это ведь основная общая идея, как символ вечного и будущего, настоящего, - который и подкрепляют ум и чувства. У каждого свое, но это...а связь -- очень субъективно, интимно даже... вот здесь не надо общих теорий. Любовь, конечно, к совершенному, чувство более высокого чем твой эгоизм, но и жалость, и сострадание...И причем здесь все это...Давайте поиграем, что ли, или потанцуем. В прятки, например...

Все разбредаются. Кто – целуется, кто – танцует под музыку, остаются Иван и Ксения1)

КСЕНИЯ1 (*ИВАНУ*) – Я пришла сказать тебе, что уезжаю... утром подбежала к отцу, конечно, не спал всю ночь, я с порога смеясь – «Жду тебя в пять в загсе. Выхожу замуж. Сейчас в парикмахерскую». И вдруг вижу, ему больно, и стыдно своей боли, и какая-то вдруг немощь, покорность. И сначала тихо спросил: «Почему он, не пришел ко мне, не пришел ко мне до свадьбы, если он любит тебя»... я выскочила из дома и шла, шла, шла... Я возьму пока академку, и уеду в деревню, где мы практику проходили. Директор меня звал после окончания. Сейчас попрошусь. Возьму начальный класс. У них учителей не хватает. Устала я.

ИВАН - Может, вместе... Тоже хотел академку взять. Целый семестр «Древнегреческую трагедию» изучал, на другое времени не хватило... Я понимаю вину свою, но... ведь это и беда моя.

КСЕНИЯ1 – Не вини себя, другие – обвинят. Мне думается, с отцом что-то случилось. По

утрам я иногда просыпаюсь оттого, что он смотрит на меня, словно я больна. Ты не поверишь, я даже в испуге пытаюсь пошевелить ногами и руками и не могу. Он о себе почти ничего не рассказывал. О себе нет... мама всегда на гастролях. Он всегда был добр ко мне. Я теперь не могу его оставить. Я не смогла прийти в ЗАГС. Я не могу, не хочу вернуться домой. Я напишу тебе и ему (*молчат*)

ИВАН – Пойдем сейчас, сейчас к нему вместе...

КСЕНИЯ1 – ...Почему ты не пришел раньше. Я была должна тебя привести. Я не могу объяснить. Но пусть будет так. Назовем случившееся – помолвкой. (*Смеется*). В чем смысл обряда. Я пойду, только, только не провожай, я напишу... и может встретимся через год... Да, возьми книгу, отдай Сергею. Смешно, видела, что отец брал читать и аккуратно, чтобы не заметила, положил под подушку. Сергей представлял меня – своей девушкой, ходил к нам в гости....Думала, шутка и шутка, даже забавно было...

РЕБЯТА -- Мы уже все застучались

МИША (*входит , подбирает книгу Софокла, читает*) - «И если жалость не дана в удел сердцам невежд, а только мудрым сердцем, то диво ли, что мы платить должны страданием за чуткость сострадания». Красиво, не – правда ли. Не *Правда* ли. Что это у вас, словно покойника вынесли.

Ксения1 выбегает из комнаты.

МИША (*ловит за руку*) - Куда ты? Я тебя не пущу...

КСЕНИЯ1 - Оставь меня, мне надо побыть одной...

МИША - Я пойду с тобой. Нельзя так. (*Ксения пытается убежать*). Пойми. Ну, зачем, зачем тебе это. Что мы все, сумасшедшие?

КСЕНИЯ1 - Оставь, оставьте меня все. Не хочу я ничего понимать. Не хо-чу. Понимаешь.

МИША - Дура.

КСЕНИЯ1 - Щенок. Пойди к нам. Я позвоню, ты успокой отца, скажи, я люблю его...и уважаю.

СЕРГЕЙ -- Эх, сейчас бы и пожить. Эх, молодость моя ранняя. Выпьем. Отец подарил...Водка – чистая, «Посольская». На свадьбу нес. А вот я в армию ухожу. Отец сказал «надо». И для карьеры – надо. Надо, значит ему «надо». Потом и мне пригодится. Там и в партию вступить легче, что необходимо для работы. (*Мише*) Я ведь не маменькин сынок.

МИША - А я – мамин, и не стесняюсь. Ну, ладно, и я пойду. Подумаю.

СЕРГЕЙ – О чем ты думаешь?! Начитался.

МИША – Не знаю.

СЕРГЕЙ - Как это? Хочешь понять и - не знаешь что...

МИША - Не знаю. Я ведь еще не понял. Еще не поздно. Возможно, никогда не поздно. Возможно, это просто невозможно. Надо пытаться.

СЕРГЕЙ - Ну, это уж дудки. Возможно, ты пока не хочешь или не можешь сказать. Возможно, это правильно. Но ты обязательно захочешь сказать. Я люблю ясность и бодрость, и каждый должен знать, чего он хочет и что он может. Каждый знает, чего он хочет. Все знают, кто чего хочет. Все хотят..., но надо думать, думать над конкретными проблемами, и решать умом, и снова понимать проблемы, и снова решать с умом... О чем ты думаешь?! Ты захочешь сказать... Но скажи вовремя: не рано, чтоб не рассмешить и не поздно, а то станешь столпником-молчальником... или подручным начальника, повторять чужие слова, и признаешь, что все так и надо, неизбежно, необходимо...

входит Глеб Савельевич

ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ – Иван... Кто из вас Иван!?

ИВАН – Я. *(передает книгу Мише)*

ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ – Громче. Чтоб голос звенел. И стоять по струнке. Чтоб слышен был... патриотизм и уважение...

ИВАН – Что вам надобно?

ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ – Он еще спрашивает. Где... подружка твоя?

Иван надвигается на него

ГЛЕБ САВЕЛЬЕВИЧ – Ну, ну... Так мне уже нравится.

ИВАН *(опомнившись)* -- А мне нет *(быстро уходит)*.

Сцена 5 (14)

Квартира Анны Ивановны. Раннее утро. Сигналы точного времени, -6-00. Звучит... Анна, гладит белье; дочь Вера, тетя... Позже Александр... Петр Павлович, журналист Сережа... СЛЕДОВАТЕЛЬ. Миша.

ВЕРА – Мама. Я в школу хочу.

АННА ИВАНОВНА -- Рано тебе еще в школу.

ВЕРА – А я хочу в школу.

АННА ИВАНОВНА - И до восьми еще два часа. Что так рано проснулась.

ВЕРА – Нет, просто... Мне приснился сон... жуткий. Мне приснился и так мучил... мучил меня.

АННА ИВАНОВНА – Спи. Горе, ты мое.

АННА гладит бельё.

ВЕРА – Я – не горе...

АННА ИВАНОВНА – Наказание мое. Беда с тобой

ВЕРА – Почему? Не беда...

АННА ИВАНОВНА – Радость моя.

ВЕРА – Так хорошо. Правильно.

АННА ИВАНОВНА – Ты – моя, а я – твоя; ты – я, а я – ты...

ВЕРА – Мне приснился сон... жуткий. Во сне я спала, и во сне проснулась, когда в темной комнате возникли диковинные зловещие существа, похожие на змей с орлиными головами, туловищем пузырчатым, с раздвоенными усиками на конце. Существа извивались. Они были раскрашены светящимися красками. Они жалили вас с папой, оплетали длинными языками и уводили с собой. Мне стало жутко и страшно, и жутко оттого, что страшно, и очень жалко... И я трусила... Во сне я проснулась, я кричала, но не слышала крика... я напряглась вся и совсем проснулась, и смотрела в темноту комнаты. А когда разглядела нашу комнату – я так обрадовалась. Тихо так было, словно уже на берегу моря после тяжелого кораблекрушения... Помнишь, ты мне читала про кораблекрушение... Мам, а что такое – сон? Не было. Всё было во сне, было только сном. Просто - *Не было*, и всё – не было;.. Ма, ведь было, ведь случилось во сне... В сказке: было или не было. Сказки как сны? На самом деле или понарошку, невзаправду. Что значит: *по-сказачному*?

АННА ИВАНОВНА – Сказка – ложь да в ней намек, милым девицам урок.

ВЕРА -- Предупреждение? Марь Ив говорит: «Кто чего боится, то с ним и случится». Еще она говорила: «Чему посмеёшься, тому послужишь». Сказка всегда оканчивалась хорошо, счастливо...

АННА ИВАНОВНА – В народных сказках.

ВЕРА - ...а сон, сон – нет...это только мой сон.

АННА (*Вере*) – Поспи. Рано ещё.

ВЕРА – А Таня рассказывала. Вчера ее оставили во дворе, в наказание. Но это было не страшное наказание. Она гуляла, играла одна дотемна. Марь Ив искала ее, а Таня пряталась. Потом зажгли фонари. Когда зажгли фонари - стало еще темней, и много теней. Таня села на корточки у дверей в дом, под лампой. Вокруг лампы мошки кружатся. Ноги затекли, хотела привстать. Взясась за ручку – дверь не заперта. Голову склонила и тихонечко пошла по ступенькам вверх, молча. Марь Ив ее видела, смотрела грустно, вздыхала и тоже молчала, и отвела спать в пустую комнату. Таня укрылась одеялом с головой. И видела во сне как, или вправду, как шла по коридору и увидела свет в щелочку под дверь Директора, и приоткрыла дверь и поднялся ветер, и колыхнули шторы, и чьи-то тени пошли по стенам, большие, страшные, а Директор сидела в центре стола, ..Таня сказала, как наш пес, Шарик, когда стащит со стола что-нибудь вкусное, с улыбкой виноватой и...злорадно, ехидной... под горящей лампой и шептала: «..и они никогда не смогут играть самостоятельно...И они никогда не научатся самостоятельности...» Таня испугалась, прикрыла дверь, а она захлопнулась, и она не слышала, что было дальше.

АННА - А что было дальше?

ВЕРА – Ничего. Ребята дразнились: Танька, Танька -замарашка. Замарашка, Замарашка – сзади грязная рубашка. Вся испачкалась в золе, что ты видела во сне...Смешно.

АННА – Полежи.

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА (приоткрывает дверь) – Хотя тот хоть деньги присылал. Я ведь помню, как ты в первый раз с деньгами по квартире бегала - отослать собиралась. Адреса не было. Небось был, сама и написала. Сколько же он тебе присылал?

АННА -...Не знаю.

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА – Петр Павлович, так и не появился... Не тот дурачок, бегать не станет.

АННА – Я уже сказала, мы расстались. Я сама решила... Не могу, не хочу больше... и Мишка...

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА – Ничего, ничего. Ерунда. Прибежит, как миленький. На работу сообщу, по головке не погладят

АННА – Я решила...

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА – Ерунда, ерунда. Это все от твоих родителей. Видно, правильно их тогда... Враги. Если б свои были – разве я тебя из детдома взяла. Петр – крепкий мужик, но прибежит. ... Хотя тот хоть деньги присылал. Я ведь помню, как ты в первый раз с деньгами по квартире бегала - отослать собиралась. Адреса не было. Небось был, сама и написала. Сколько же он тебе присылал?

АННА (*быстро входит в комнату к тете*) – Чуть тише. Вера, кажется, заснула. Деньги, деньги, вот они, у меня отложено. Это ведь всегда вам деньги нужны и сразу...

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА -- Ты еще не совсем дура. Сколько же здесь (*начинает считать*). Ну, ничего, ничего, не убивайся, на работу сообщим, сначала самого пуганем, как следует. Маленькую на пятидневку. Да, да. Ерунда... Это все из-за Мишки. Все из-за Мишки. Молокосос. Убеждения ему понадобились... Таился, таился, проснулся... Убеждения ему понадобились ...жить по убеждениям...

АННА гладит бельё.

АННА - Что-то меня давит. Душно. Я прямо чувствую, как голова сжимается.

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА (входит в комнату) - Дурная башка всегда с похмелья болит.

АННА - Мне надо что-то стряхнуть с себя. Где же, он может быть? (*поднимает вверх руки, с утюгом*)

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Как же, нужна ты ему (*снизу заглядывает в глаза*) Где отец-то его. Я ему правду сказала. Петр – не отец. Я всегда правду говорю... Я только правду говорю.

АННА - Нет, нет. У него благодарное сердце. Только б знать, что все хорошо... Только бы не было войны... Господи, вырвалось, с ума схожу...

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА (*подошла совсем близко, наклонившись, снизу заглядывает ей в лицо*) – Как же, не было. Когда давно идет. А, правда, глаза колит, не любишь, обжигает.

Анна пристально смотрит на неё, опускаются руки с утюгом. Тетя пугается, обжигается об утюг, падает, Анна укладывает ее в постель, перевязывает, спрашивает

– Как вы? Что-нибудь поправить? Тетя молчит. Анна сидит рядом с кроватью, поправляет подушку, вызывает скорую помощь

АННА - Что же скорая не едет. Что же скорая не едет (звонок в дверь). Наконец.

Анна подходит к двери, открывает, не смотрит, кто вошел и садится на стул, спиной к двери. Александр подходит к ней, дотрагивается до плеча

АННА (оборачиваясь) – Я... виновата. (обернувшись) – Саша. (упирается руками в его грудь) Уйди, уйди (трогает его одежду, словно пытается убедиться, поправить)... Я не смогла написать тебе. Я не могла написать тебе. Прости, прости... Простите меня все...

Анна садится закрывает голову руками

АЛЕКСАНДР - Когда уехал, думал, это на время. Какая-то сила, нет - бессилие гнало меня с места на место. Прошло столько лет. Что ж, я стал независим ... Я должен уехать... решил уехать,.. совсем уехать, но мне так захотелось посмотреть на тебя...увидеть... издали. Я никогда не решился бы потревожить тебя, но сейчас, когда...

Они непроизвольно проходят на кухню)

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Я посажу вас.

Сцена 6 (15)

Входят Петр Павлович, во хмеле-похмелье после ночи, и журналист, Серёжа

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА – Они убить меня хотели.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*отмахнулся, журналисту*) - Ты пойдешь пока к тетке. Что у нее там опять...

Петр Павлович заглядывает в кухню. Замечает Александра и Анну, внимательно смотрит на Александра; тот не уходит. Петр Павлович проходит к спящей Вере, доставая из кармана игрушку.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*журналисту*) - А впрочем, а набери-ка телефон следователя Иванова.

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЁЖА (*набирает номер*) – Следователя... Нет, нет,.. именно следователя Сидорова. Я звоню по поручению Петра Павловича... Сидор, интересное дело. Приезжай... Да. Срочно. Не перезванивай. (*Александру, вошедшему в комнату. Анна остается на кухне*) - Я бы хотел поговорить с Софьей Львовной наедине.

АЛЕКСАНДР – Вы - не следователь. Я останусь. По-моему, я здесь нужнее.

ТЕТЯ (*Александру*) – Не подходи ко мне. (*Журналисту*) – Будьте здесь.

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЁЖА (*Александру*) – Вот видите (*подходит к Софье Львовне.*) Так, значит, что произошло? (*Тетя молчит*) - Послушайте, ну так замахнулась или не замахнулась. Замахнулась и...? Ведь вы сказали... Повторите! ... Вы ведь можете говорить? Ну, скажите хоть слово... Ну, этого не надо. Не плачьте. Вы кричали. Сильные боли. Может, я смогу помочь. Расскажите немного о себе, ведь вы бывшая фронтовичка.

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Да, да. Устройте, попросите, чтобы мне назначали уколы.

Почему мне не дают больше лекарств. Я не хочу, я не могу больше терпеть. У меня и орден есть... Я одного летчика, майора из-под обстрела вынесла. И потом в госпитале. Знаете, он мое имя в горячке шептал... Это я уж потом узнала, его жену также звали, да только, я думаю. Вы - к главврачу зайдите...И я вот помню, когда с фронта возвращались, вам этого не понять, у меня все улыбка с губ не сходила... детская такая, радость какая-то детская, тихо так на душе и ясно..., казалось, ну вот все теперь страшное, дурное позади.

ЖУРНАЛИСТ, СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ - Вы участник войны, человек, отдавший свои силы, счастье. А вот, когда им кажется, что вы мешаете удовлетворению их желаний, когда от них требуется чуть-чуть внимания, заботы, они - уже не могут. Они не способны, я не говорю на подвиг, как вы, на сострадание, спокойное сознание своего долга. Идеал современной девушки, вот через газету анкету рассылали - это практичность мужа, а следовательно - комфорт. Им нужен покой, ибо желания, мелкие желания только изнуряют их, а удовлетворение не приносит радости, отсюда истерика. Что для них честь и сама жизнь. Разве не наш долг заклеить позором...

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Пусть, пусть ей станет стыдно. Так, вы только не забудьте о лекарствах. Пусть, пусть ей станет стыдно. Ты пиши, пиши, а потом прочту. Не забудьте о лекарствах. Тогда, прочту, подпишу.

Александр ходит к Софье Львовне

АЛЕКСАНДР – Здравствуйте. (*Софья Львовна отворачивает лицо*) Я – врач скорой помощи, по вызову (*осматривает рану*) – Рана не опасна. Больно?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА – Мне больно, когда ты до меня дотрагиваешься.

АЛЕКСАНДР – Когда-то я за вами ухаживал. Это в большей степени нервное, и применение наркотических препаратов противопоказано. Я смотрел историю вашей болезни. Хотя возможно всякое, необходимо сделать анализы, но здесь именно сосредоточенность на боли. Я все слышал. И я хочу вас предупредить. Я буду вынужден привлечь адвоката. И ложные показания...

СОФЬЯ ЛЬВОВНА (*Александру*) – Пугало, да мы пуганные. Меня пугать нечего. Никто никому здесь не нужен. Ты хочешь, чтобы я умерла. Я вам всем мешаю. Вы все хотите моей смерти... Да, лучше сдохнуть, и пусть меня похоронят в общей могиле, и чтобы никто...

АЛЕКСАНДР – Я позову санитаров. Он поможет, и мы перевезем вас в больницу.

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Ну уж нет... В больницу не поеду. Пусть дома лечат... теперь за меня есть, кому заступиться. Думаете старая, помирать пора, а я жить хочу, жить... Никто никому здесь не нужен.

АЛЕКСАНДР – Я считаю, что на некоторое время вам необходим стационарный уход. Не беспокойтесь. В операционном вмешательстве нет необходимости (*выходит*.)

входят МИЛИЦИОНЕР, и СЛЕДОВАТЕЛЬ СИДОРОВ. Журналист подходит к следователю и шепчется. Они направляются на кухню к Анне, стоящей неподвижно.

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА (*привычно-радостно*) – Анна Ивановна. Здравствуйте. Как поживаете... Черт. Ухожу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ, СИДОРОВ (Анне) – Видите ли, я не хотел бы..

Входит Миша, прислушивается, заглядывает в кухню, видит следователя и уходит в комнату Веры. Милиционер собирает разбросанные по комнате деньги. Петр Павлович сидит у кровати и молча, смотрит на ребенка, Веру.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (Мише) – Ты?! Сиди здесь. Не выходи. Там из прокуратуры, следователь.

Журналист было направился к тете, но махнул рукой. Сел на стул ближе к кухне, прислушивается

СЛЕДОВАТЕЛЬ (на кухне Анне) - ...Видите ли, я не хотел бы, чтобы у нас с вами были бы какие-то разногласия. Я думаю, вы согласитесь со мной, что у нас общие цели... Если хотите, я вас понимаю. И допускаю, что это не было совершенно преднамеренно, не было заранее обдуманного плана, предусматривающего конкретные цели... Представим всю ситуацию. Ваше решение расстаться с мужем. Как видите нам все известно. Накануне вы подали заявление в нарсуд, что, вероятно, тоже было сделано под влиянием чувства, вызванного, по вашим словам, разногласиями с мужем в вопросах воспитания вашего сына...Здесь кое-что неясно. Кстати, вы не знаете, где Михаил. Это что -- бытовая самоволка?... К этому вопросу мы еще вернемся... разными взглядами на его будущность. И вот неожиданно вы остаетесь одна - и словно набежавшая туча заслоняет горизонт - ощутив утрату поддержки, много лет незаметно присутствующей, пусть даже в мелочах, незаметной, неброской заботы, вы испытываете растерянность, смятение, ваши чувства подобны листьям, поднятым с земли порывом ветра... Нам известно, иногда Петр Павлович позволял себе... пожить на широкую ногу. Да и вы не испытывали нужды. Спецраспределитель, медицина, военное образование для сына, всегда благожелательное отношение...

АННА -- Я устала.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СИДОРОВ -- Да, да, вы устали, ведь это...бессонная ночь, раннее утро... Не будем забывать и об этом...И вот минутное затмение, тетушка, которая не могла разделять вашего намерения, стала задавать вопросы, лаконичные, пусть немного холодные вопросы, от которых хотелось бы спрятаться вашей совести. На время, потеряв нравственную опору жизни, вам захотелось стереть...

АННА - Что за фантазии... Вы -- поэт?

СЛЕДОВАТЕЛЬ СИДОРОВ – Успокойтесь. Подождите (*от волнения путается*). Имейте в виду, я имею в виду ...имею более высокую цель...

АННА - Не надо.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СИДОРОВ -- ...Ваше поведение полностью изобличает вас. Ведь, поддавшись этому своему желанию и осуществив его, будучи застигнутыми врасплох - вы не могли не почувствовать разочарования, сожаления о содеянном. Чувства, обманув, заманили вас в ловушку, капкан - и вот, вы рвете одурманившее...разрываете кошмарное сновидение. Ваш крик - разве это не начало раскаяния...

АННА - Вы – следователь. Делайте быстрее то, что вам необходимо.

СЛЕДОВАТЕЛЬ - Да, эта минута - испытание. Как мгновение, когда заносишь руку, чтобы наказать непослушного ребенка - в эту минуту требуется напряжение всех сил - и силы изменили вам... ведь терпение не бесконечно. И я призываю вас сказать смело -- «Да, я виновна». Посмотрите, сколько вокруг... *(отходит к окну)* Опять мусор не вывозят. Запах. Тошнотворный. Я призываю вас смело признать свою вину, расчистить путь. Это необходимо всем нам. Кто же победит разум или слепая неукротимая сила *(Анна встает)* Я еще не закончил. И подумайте, долго ли надо в тюрьме, чтобы... Вы уже не так молоды, и дети; что станет с ними. *(смотрит на Анну)* Я вынужден задержать вас для дачи показаний.

Милиционер вопросительно смотрит на Следователя, поворачивается к Анне, хочет обыскать

АННА – Забыл или забылся. Руки мыл доб-рый че-ло-век?

МИЛИЦИОНЕР *(уводит АННУ, глядя ей вслед)* – Ай, я , яй, йя. Даже жаль тея...

Следователя прокуратуры отводит в сторону журналист.

СЛЕДОВАТЕЛЬ *(журналисту)* – Голова трещит. Еще не все ясно. Не поторопились?

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЁЖА - Так что не ясно. Лиха беда – начало. Решать надо сейчас, пока волна не схлынула, а то на мели останешься. Не надоело тебе, перед Петром пресмыкаться. Когда я отдаю ему статью редактировать, меня внутри начинает трясти, весь сжимаюсь. Он болен и просто безграмотен. И при этом мне просто жалко его. Когда возвращает, я смотрю на текст и сам уже ничего не могу понять...

СЛЕДОВАТЕЛЬ СИДОРОВ - Не рановато ли. Послушай, ведь она его жена... Мы чуть нарушаем... Ордер.

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА - Так ведь он сам следователя вызвал, это он меня попросил. А получиться может интересно. Кто этот врач скорой помощи? Они с Петром – знакомы. Это я понял. Именно в тот момент Петр решил милицию вызвать. Статью обязательно ему покажем. Пусть отредактирует. И он будет в наших руках... И, во-первых, дело идет о разводе. Конечно, конечно он может и струсить - поднажмем, игра стоит свеч. В конце концов, он достаточно силен, мы достаточно сильны, чтобы не скрывать своих недостатков. Пойми, это должен быть процесс, процесс на весь город. Над неблагодарностью, неспособностью к самопожертвованию. Каждый честный труженик должен гордиться собой, ходить с высоко поднятой головой, а порок - пусть прячется по углам, забивается в щели.

Петр Павлович возвращается от Веры

ПЕТР ПАВЛОВИЧ -- Привет... *(журналисту)* Ты еще здесь. *(Следователю)* Я вызывал Иванова, где он?

СЛЕДОВАТЕЛЬ СИДОРОВ – Не было на месте.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Где у тебя Анна. Я бы хотел поговорить с ней. Испугалась?

СЛЕДОВАТЕЛЬ СИДОРОВ – Задержана. Уже внизу. Разве напутал? Вернуть?

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Хм, дело? Какое здесь может быть дело... Однако, конечно...

СЛЕДОВАТЕЛЬ - Можно, конечно. Показания Софьи Львовны внесены. Может, и вы в качестве свидетеля.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Сережа написал, без подписи... Ах, вот так, да. Не надо. Время терпит. Из военкомата звонили. Просили срочно зайти. Однако держи меня в курсе. Скоро зайду... (*уходит*)

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА - Ночью статью писал, даже стихотворение вышло. Послушай. -- И, все-таки, земли коснулись первые лучи, И дрогнув, облака тумана бегут по скошенному полю, и разбиваясь, исчезают и раздвигают горизонт. Распахнут настезь голубой простор, Облито солнцем утреннее поле, Стернь озарилась. Вольный ветерок играет молодой травой И мчится к лесу, Где птиц, многоголосый замер хор. Решился дирижер, Уж подняты невидимые руки... Нет, все-таки должен быть в жизни некий смысл.

СЛЕДОВАТЕЛЬ - А как тетушка?

ЖУРНАЛИСТ, СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – Не беспокойся.

СЛЕДОВАТЕЛЬ - Имей в виду.

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА – Дело идет о разводе, Мишка сбежал из военного училища. И кто этот врач? Что-то раньше не встречал. Петр поддастся, клонет, ордер подпишет – и у нас на крючке.

Сцена 7 (16).

Воронка. Милиционер подсаживает Анну в «воронку» и запирает за ней дверь с решеткой. Анна, женщина и Марья Ивановна...

АННА (*опоминается*) - Вы не смеете! Вы не имеете права. Вы не смеете меня здесь запирасть... Мне необходимо быть..

ЖЕНЩИНА (*внутри «воронка»*) -- Прекратите стучать. Не то...

АННА -- Вы не смеете

ЖЕНЩИНА *внутри «воронка»* - Замолчишь ты или нет!? И без тебя тошно... Дай сосредоточиться... Так, Иван - нет, Петр? Да, Петр. Эх, здесь надо наверняка и быстрее... Эх, мне бы только весточку передать.

АННА - Выпустите меня. Мне необходимо быть...

ЖЕНЩИНА -- Замолчи. Не-то я сама... замолчать заставлю... У-у, ненавижу... робкие, стыдливые. Знаю я вас. Не смеете. Я вот знала, на что шла - и не жалею. Слышишь! И они смеют и знают.

АННА - Выпустите меня!

ЖЕНЩИНА -- Замолчи, а то нам из-за тебя хуже будет. Вот из-за таких и попадаешь...

СТАРУШКА МАРЬЯ ИВАНОВНА - Успокойся милая. Чего в жизни не бывает. От тюрьмы да от сумы - не зарекайся. Ты поплачь лучше, омой серденько. Криком делу не поможешь, только из сил выбьешься. А силушка тебе нужна. Посмотри на меня, мне и здесь хорошо, все с людьми. Да и кто без греха.

АННА - Нет, нет. Я не хочу (*бросается к двери*)

ЖЕНЩИНА - Эх, знали бы вы, сколько через меня денег прошло. Только... (*удерживает Анну за кофту, кофта рвется*). Ну... Анна Ивановна, вы?! А как же Петр?! Неужели всё пропало.

АННА - Вы за это ответите.

СТАРУШКА МАРЬЯ ИВАНОВНА - Ох, ну вот, зачем на грех наводить, прикройте грудь... Когда теперь новая будет... Ну, ничего. У меня нитки и иголка есть, и у меня здесь вещи с собой. А почему, вещи с собой? Вот возьми. Под себя клади. Холодно здесь, отморозишь... Она еще теплая. Ты, покайся... Чего мучиться - покайся, легче станет. Как все грустно, сложно, не понятно...

АННА – Марья Ивановна – вы? Вы то, как здесь оказались?

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*пугается, обводит всё по сторонам*) – Кто так кличет? Кто меня зовет?.. Аннушка. Спасибо тебе Анна. Забыла. Из дома вышла, в дом для стариков собралась. Из дома вышла и всё, всё забыла. Не помню. Не то, чтобы заблудилась. А все кругом – другое, не свое, чужое. Себя забыла. Спасибо тебе, Анна. Опомнилась...

АННА (*девушке*) – А вы как здесь...

ДЕВУШКА – С полночи катаюсь. Автобус, последний, сломался. Шла по шоссе. Обещали домой подвести. Никак, не получается. Будь проклят ветер, Расплескавший солнце по помоям, Окрасив алым лужи и заборы, Несущий мусор мелкой ссоры По льду несостоявшейся весны. В анестезии дрожит губа, Не трогайте меня.

Машина тормозит. К ним впахивают пьяненького-СЛЕПОГО – СТАРИКА, старик оборачивается к двери с решеткой

СЛЕПОЙ СТАРИК - Свежий ночной ветер, я вышел выпить стаканчик в одиночестве, ибо глоток вина с куском темного неба, усыпанного солью ясных звезд, делают меня почти мечтателем у частной лавочки с надеждой на личную человеческую судьбу. Я полусоветский-полуинтеллигент. Живым святого не предаю... О, здесь дамы. Чем могу служить...

Сцена 8 (17)

Миша и сестра ВЕРА играют в паровозик. Возвращается Александр.

Сестра ВЕРА - Миша, смотри...Какой паровозик... У-у-у

АЛЕКСАНДР (*оглядывается*) – Петр Павлович, где?

МИША – Ушел...

АЛЕКСАНДР – Сам – то, как?

МИША – Никто не трогает. Про меня уже забыли. Мы с Веркой будем жить, почти затворниками. Тетя в больнице

АЛЕКСАНДР - Ты, главное, себя не вини. Я уже звонил адвокату. Еще школьный товарищ. Все образуется, наладится. Он обещал. Надо подождать.

МИША – Что значит образуется, наладится, обещал...

АЛЕКСАНДР - Я считаю, что есть - ложь и лицемерие, пороки отдельных людей, пойми – отдельных... Нет у них сейчас никакой идеологии, кроме - выжить. Не ищи черной кошки в темной комнате, когда ее там нет.

МИША – ...У них...сейчас...Мне хотите помочь выжить. Скажите, вы считаете, что мама ...

АЛЕКСАНДР -...

МИША – Вы никогда не любили. Вам надо было дописать ту картину...

АЛЕКСАНДР - Любовь, милый мой, бремя если хочешь....Да, Василий Васильевич, адвокат любит повторить: «Иго мое легко и бремя мое – во благо». Мне пора... Я буду приходить.

МИША – Зачем, почему

АЛЕКСАНДР -- За сестрой нужен уход... Не спеши, с ответом. Я завтра приду.

Сестренка ВЕРА (*бросается к Мише*) - Миша! Мама не виновата, я не спала, я все видела. Потом испугалась, притворялась – сплю.

МИША – Ух, ты. Ты -- радость моя.

Сцена 9 (18).

Больница. Палата, входят журналист и медсестра. Позже Оксана, и Миша..

Медсестра - Вот.

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА– Здравствуйте.

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Здравствуйте, доктор. Доктор посмотрите, пожалуйста, назначьте мне уколы. Я больше не могу, почему у меня все болит. Назначьте же мне....

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА - Я не доктор, я – журналист городской газеты. Я хотел бы задать вам несколько вопросов. В тот вечер...

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - А что случилось. Я ничего не помню, ничего не помню.

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА (*медсестре*) - Извините, мы здесь поговорим.

МЕДСЕСТРА - Поговорите, поговорите. Знаете, больные, они вечно чем-то недовольны. А спросите их, почему они здесь. Надо вести здоровый образ жизни. Да разве приличный человек попадет сюда. Вот я работала в одной больнице...

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА -- Простите, можно мы здесь поговорим.

МЕДСЕСТРА – Говорите, говорите. Да, да, конечно. Дежурная сестра! Дежурная сестра! Вы уж извините, белье надо поменять.

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА (*тете*) - Послушайте, ну так замахнулась или не замахнулась. Ведь тогда вы показали, я ведь был там... Говорите! ... Вы ведь можете говорить? Ну,

скажите хоть слово... Ну, этого не надо. (*Сестра на минуту уходит. С коек раздаются голоса*)

- Послушайте, что здесь творится! Это безобразие.

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА- Товарищи, успокойтесь. Я здесь по другому вопросу. Я обязательно вернусь... в другой раз. Товарищи, я же на работе.

Входит старшая сестра открывает окно и начинает менять белье, поднимая полураздетых больных...

ЖУРНАЛИСТ (*тете*) - Вы жаловались на сильные боли. Может, я смогу поговорить с главврачом.

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Да, да. Поговорите с врачом, попросите, чтобы мне назначили уколы. Почему мне не делают больше уколов. Я не хочу, я не могу больше терпеть. У меня и орден есть... Я одного летчика...

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА – Да, да. Я вот набросал кое-что. Вы посмотрите. Надо же пристыдить. Надо подписать.

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Да, да стыд совсем потеряли. Пусть, пусть ей станет стыдно. Так, Вы не забудете к главврачу. Вы и тогда обещали. Оставьте. Прочитаю – подпишу..

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА – Но вам тяжело...

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА – Да. Тяжело. Оставьте.

Журналист спешно уходит. Еще до конца диалога появляется Оксана с ведром и шваброй

ОКСАНА - Всем привет. Ух, сейчас вымоем полы, и будет у нас чисто как у нас в деревне зимой на улице, ...Просто зима, снега навалило, сугробы -- не пройдешь. «Снег идет, и все в смятенье...»

БОЛЬНАЯЯ – Ксюш, ты к моим ходила.

ОКСАНА – Дома... не застала. А вот что просили - принесла. Последние новости (*подходит к окну*) Варю из четвертой палаты выписали, а была самая тяжелая... Ну, что, поднажмем. (*Наклоняется над ведром*).

Входит Миша

ОКСАНА - Мишка! Где ты был?!

МИША – Здравствуй. Я рад...

ОКСАНА - Ты к Ивану пришел, а его выписали. На Дальний Восток уехал, говорил там могучая природа. Лесорубом или рыбаком на судне: «Будем преодолевать стихии». Заработает море денег и откроет свой театр.

МИША - Машиной зацепило... «и мостовой не замечая края. Тая и тая, ты все передо

мной». Как напророчил.

БОЛЬНАЯЯ - Ксюш, ты считаешь сегодня?

КСЕНИИ2Я - Обязательно.

ОКСАНА – Ты в форме!? Ты бы переоделся. Ты квартиру снял?

МИША – Нет. Странный разговор получился. И хозяин странный. Художник. У него картина -- женщина в слезах. Ведь понятно, что горе. А завораживает, можно всю жизнь смотреть... Можно всю жизнь смотреть. И что-то родное... И куда он придет. Все хотят, куда-то прийти.

ОКСАНА -- А я не хочу никаких драм. Я хочу быть холодной и умной, (*смеется*) хочу быть независимой, хочу стать настоящим врачом, хочу знать свое дело - быть специалистом. Поэтому я здесь, больница, в институте – на вечернем, - времени не хватает. Порой кажется, если остановиться, что-то разорвется в мозгу... Да и может быть им хуже будет без меня...

МИША - У меня тетя в этой палате...

ОКСАНА - А я буду жить у Федора Ивановича... Мне пора мыть пол.

МИША и ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА – Мишенька. Мишенька, что я натворила... Никто нас с тобой не любит. Никому мы не нужны. Никто никому здесь не нужен. Ко мне приходили, просили заявление написать, я толком пока не разобралась. Пусть сначала к главврачу..., пусть сначала лекарства... Да и этот заходил, адвокат, пугал, говорит за ложные показания ... Пугало, да мы пуганные. Меня пугать нечего. Ты не теряйся, Миша. Иди к Петру, он поможет человеком стать, он пристроит.

МИША - Тетя, я говорил с главврачом, он думает вам лучше домой. Применение сильнодействующих обезболивающих только навредит, не необходимо. У вас больше психологическое, сосредоточенность на боли...

ТЕТЯ, СОФЬЯ ЛЬВОВНА - Ну уж нет... Пусть лечит... теперь за меня есть, кому заступиться. Думает старая, помирать пора, а я жить хочу, жить...

В больничной палате опускаются сумерки. Ксения сидит на табурете и читает книгу.

ОКСАНА - В большом городе, где много домов...

МИША (*Ксении2*) - Я хочу сказать вам, я люблю вас, Ксения... Ты нужна мне... Я тебе нужен...

ОКСАНА выталкивает его за дверь

(за дверью)

ОКСАНА (*Мише*) - Куда ты меня тащишь... Постой, я скажу... я сейчас скажу... подожди да подожди ты... Куда ты!

МИША –

Голос диктора – «Электричка следует со всеми остановками...»

ОКСАНА - Мы на ту электричку сели?

МИША - Почему-то меня это сейчас не очень тревожит. Небо глубже стало, туча прошла.

ОКСАНА - Ты билеты взял?

МИША – Взял... Не успел. Ерунда...

ОКСАНА - Послушай, ты не думал, вот столько веков, столько людей, судеб, столько книг хороших написано. И почему же все так...

МИША - Нам в помощь. Мне впервые хочется жить долго.

ОКСАНА - И что же, «униженные и оскорбленные» тоже всегда...

МИША –

ОКСАНА - Хорошо ехать и в окно смотреть (*поет*) Ветер с моря приносит крик чаек, Запах соли и брызги волны. Я ступаю по самому краю, Где прибоем смывает следы. Да волна за волной, набегая, Точит берег да гонит песок, То в молитве на время смолкая, То глухую угрозу таит. Ты забудешься в дуне зыбучей, И тебя позабудут навек Только, только гудок паровоза И перрон вас разлучит на миг. Как зэка по этапам гонимый Пробеерусь сквозь немую тоску Из утраченных лиц и толпу, И в вагоне к окошку прильну. И подставлю затылок ранимый Ветру. Поле готово к зиме, Скошен луг, кое-где паутина. Лес стремительно мчится к тебе. И его провожая глазами, Сквозь росистый туман над лугами Я твой смех и твой плач различу. Так плескалась волна и ласкала, Вызывая восторг и испуг. Пирожки, испеченные мамой, И песчаные замки тобой Уносил, разбиваясь о скалы, Извиваясь, прибой-осьминог. Как горяч и сыпуч был песок. Как бесстрашен был бег детских ног. ...(*высовывает голову в открытое окно*)

МИША - Сумасшедшая! Канал ведь... Памятник. Такой вот, памятник. Конечно, память -- в сердце, но и памятник в память и честь должен быть...

ОКСАНА (*пытаясь развеселить*). Смотри-ка - волк бежит по полю...

МИША - Ату, ату... собака наверно...

ОКСАНА - Интересно, почему собаки на луну лают, а волки воют. А у нас волки есть. Но, знаешь, одичавшая собака опасней волка. Волк, если заберется в хлев, то только одну овцу и зарежет, а одичавшая собака пока всех не перережет, не успокоится.

Через вагон бежит парень и кричит -- «Волки. Волки идут».

МИША – Это контролеров здесь так зовут...

КСЕНИЯ – У тебя деньги есть... Мишка, ты в форме... У тебя документы есть... Бежим в тамбур...

МИША – Дверь открыта. Смотри, как красиво...

ОКСАНА – Прыгаем. Давай руку.

МИША – Господи. Сумасшедшая.

ОКСАНА – Я всё рассчитала.

ОКСАНА - Хорошо здесь в сугробе. Интересно,... как, когда под одеялом книгу читаешь. Только мне очень холодно.

МИША – Наоборот, жарко.

Сцена 10 (19)

Часть центральной и одновременно рыночной площади в городке, где 31 августа – уже поздняя осень. Майские праздники. На крышах еще снег. У ворот сидит инвалид, собирает милостыню. Видно и начало рынка. Лоток-прилавок, за которым Подруга Анны Ивановны, рядом; слева на площади двое мужиков сооружают трибуну, ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА смотрит на дорогу, ждет Петра Павловича; газетный киоск: продавец распродает кипы не купленных газет торговцам, заворачивать товар (- Что они у тебя влажные. На вес отпускаешь. – Не хош – проходи. Иди, иди...). АННА ИВАНОВНА выбирает зелень на прилавке своей подруги в отрочестве. Вера, дочь, рассматривает резные игрушки на том же прилавке; Появляется АЛЕКСАНДР. Затем прокурор ПЕТР ПАВЛОВИЧ; журналист СЕРЕЖА; адвокат ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ....

1-й мужик (у строящейся трибуны) - Да не так, не так кладешь! Эх, всему тебя учить надо. Учу, учу... Смотри, смотри... Сюда смотри. Да, на пальцы - не смотри... Что? Хм. Там пальцев много...

1-й мужик - Нет, не лежат руки к такой работе. Что трибуна, что помост. Если – трибуна, кому-то – помост, погост. Вот дом ставить - другое дело... Бывает, задумаешься, представишь целиком, как детишки босыми ногами... а руки сами делают. Потом полюбуешься, глядишь, и хозяин на водку добавит. А это сегодня строить - завтра ломать.

2-й мужик - А по мне, так и лучше. Деньги-то хорошие. Страшновато, конечно.

1-й мужик (*смотрит на Анну*) – Лебедушка...А, заканчивай здесь один.

2-й мужик - Опять на неделю. Осталось чуть, последний гвоздь вбить.

1-й мужик - Это уж не твоё дело...Не хочу. Да ты не бойсь. Ужо не упадет, деньги себе заберешь. Мне на опохмел оставишь (*засмеялся, слышно как писает на столб и уходит*) А мне не надобно, другой нужды нет.

ИНВАЛИД у входа поет: «Раскинулось море широко...»

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА (*стоящему рядом милиционеру, указывая на инвалида*) – Убери его, певуна. Шепнули, прокурор едет. Петр Павлович безобразия, грязь не любит, чтобы чистенько всё было, позитивно; ...Анна Ивановна, жена ...бывшая, с

дочерью здесь или что неладно; что-то не по расписанию, за прошлый месяц взнос получил... или пронюхал что... А позже у меня с ним свидание. Так, что сегодня другие песни. Вот, дай уж от меня певцу нашему, день праздничный.

Милиционер отходит к инвалиду, прячет деньги в один карман, спускается по ступенькам на площадь к входу на рынок, достает из другого кармана мелочь.

МИЛИЦИОНЕР (*про себя*) – Многовато ему будет, все - одно пропьет. На пиво хватит.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА (*про себя*) - На работу вышел... привык судить да рядить. Прокурор. Не может без власти – хлебом не корми, здоровья не надо... чтоб по его, вся мысль – чтоб по его, иначе – не понимает, иначе - смерть... Нет, надо было раньше спросить, надо было сказать, надо сразу делиться... А если бы ответил «нет», если бы не захотел, испугался; если ему уже не нужно. Всё, конец – «нельзя». Надо было прощупать... Так ведь болен он был, думал на пенсию... уйдет.

МИЛИЦИОНЕР (*подходит к инвалиду*) – Скройся.

ИНВАЛИД (тот протягивает из кармана рубль) – День сегодня – базарный да праздничный. Вот, рубль. Вечером донесу.

МИЛИЦИОНЕР (*милиционер прячет рубль*)– Тверёз даже? Скройся, говорю. (*отдает мелочь*). От Ивана Степаныча. На пиво. Прокурор будет, сам.

ИНВАЛИД – А что, мы с ним давно знакомы, да давно не виделись. Не он ли меня так определил... Что ж с глаз долой – из сердца вон.

МИЛИЦИОНЕР – В сердце к нему захотел. Попадешь, не так запоешь - криком. А может до сих пор тешится. Сказал в последний раз – катись. Не слышишь?!

ИНВАЛИД (*начинает собирать свои; кружку, гармонь..., но медлит, перекладывает с места на место*) – Ты иди. Я догоню...

МИЛИЦИОНЕР – Подожду. Сказал, нельзя сегодня. Собирай свои игрушки.

ИНВАЛИД – Дрянь. Дрянь (*закашливается, отхаркивает, держит грудь*) День праздничный, базарный...

МИЛИЦИОНЕР – Что больно.

ИНВАЛИД (*молчит*) ...

МИЛИЦИОНЕР – Вам больно? Да неужели? Еще бывает больно, еще чувствуете? Не можется? Шарманку возьми.

ИНВАЛИД – Дрянь. И он – дрянь. Черт, харкотина гнойная. Чего в базарный день прется. Уж после бы и собирал...

МИЛИЦИОНЕР – Вали, сказал...

ИНВАЛИД – Думал, день базарный - соберу... мне бы на неделю хватило...

МИЛИЦИОНЕР – И ордена еще уже навесил. Свет, ты наш ясный. Убери – говорю. Не понял. Меня подставишь – не так засветишься...

ИНВАЛИД – Это – моё. Не тронь. Война – моё. Его там не было... В землю – не жался, зубами не скрежетал, в атаку не вставал. Не было. Юрист. Умненький, среди своих шпионов ловить...

МИЛИЦИОНЕР – Врешь всё. Люди с орденами - во живут. Жилье, пенсии дают. Город строится... Там. Наверху что могут делают, помогают...

ИНВАЛИД – А мне не надо давать. Сам хочу. Своё хочу. Моё – не тронь. Давно ты власть зауважал. Как в город перебрался? Думаешь, о тебе заботятся. Что ж ты на нее, власть, на рыбконтроль на рыбалке через реку удавку ставил?

МИЛИЦИОНЕР – Что ж у тебя отняли – может сам отдал. Здесь и сидишь - просишь.

ИНВАЛИД – Я у людей прошу, для людей пою. А ты стоишь. Ничему лучшему не научился? Дома, в селе дела не нашел.

МИЛИЦИОНЕР – Ты видать в плену – учился... У тебя нигде не стоит. Руками в штанах дерешься. Или уже не нужно.

ИНВАЛИД - ...Сука, ты.

МИЛИЦИОНЕР – А после лагеря, сам хвастал, по вагонам, по крышам лазил - отоваривался. Тогда, небось, без ног и остался. Пошел отсюда.

ИНВАЛИД - ...Сука, ты. Врешь. Вольным остался, лес валил, ...там и придавило, там инвалиды не нужны. А это уж после, уж без ног каштаны таскал.

МИЛИЦИОНЕР – Пошел, сказал.

ИНВАЛИД – Не обижайся. Не хотел я...

МИЛИЦИОНЕР – Пошел, сколько раз говорить. На такую дрянь обижаться (*легко пнул ногой в грудь*).

ИНВАЛИД (*закашлялся*) – Ты чего, чего...

МИЛИЦИОНЕР - Позже придешь. Еще насобираешь. А за базар пятерку накинута. Чирик несчастный. Значит, будешь теперь – Чирик. Так теперь и назовем. У меня везде порядок.

ИНВАЛИД – Чирик. Не смогу. Как же это? Сам без копья останусь.

МИЛИЦИОНЕР – Скажи, спасибо. Пой лучше. Сказал – чирик. Сегодня на водку легко найдешь. Ну, давай. В лесу родилась елочка...

ИНВАЛИД «покотил» в сторону рынка. Поет...

ИНВАЛИД - Эх, где наша не пропадала (*поднимается по ступенькам на своей площадке*)
Пропадать так с музыкой. На людей взглянуть. И ему в лицо плюнуть.

МИЛИЦИОНЕР – Стой. Козел. У меня порядок... Хотел по - хорошему

*ИНВАЛИД сваливается с верхней ступени; на него подает подбежавший
МИЛИЦИОНЕР*

ИНВАЛИД – Куда мы друг без дружки... Выпьем по кружке...

Анна Ивановна и Подружка у лотка на рынке

ПОДРУГА АННЫ в отрочестве - ...Вот зима к весне, тетушку твою встретила - ночи еще морозные, ветер свежий, небо синее, чистое, луна серпом тонким, претонким - стоит к забору, прислонившись, озябла; поверх кровли смотрит: дымок над избой беленький, столбиком поднимается. Шепчет: «Вот и я так скоро»... Изменилась Софья Львовна... смиренная, тихая стала. По дому весь день хлопочет. Аккуратно все, чисто. В молодости модницей слыла; своевольная, в город ушла без паспорта. Мы теперь, что подружки. Полюбила я к ней под вечер, вместо телевизора. За день натрудишься, наругаешься. Да и занесешь что-нибудь - самой приятно... Помнишь, как мы через тот забор на сеновал бегали, девчонками о женихах мечтали...Грозы пройдут. Отгрохочет – тихо так, весело и тревожно...

АННА ИВАНОВНА – Кто бы мог только подумать, предположить, как все сложится; так сложится...

ПОДРУГА -... А у меня сначала так хорошо, так хорошо, что и вспоминать боязно. Помнишь Генку, кудрявого. Такой шальной, шумливый да дотошный был. Все ему до конца объясни. Я за него замуж вышла. Многие парни уехали, а он остался. Свое дело нашел. Село то наше в старые времена резьбой по дереву славилось. Генку дед, оказалось, учил. Генка и выяснил, что кустарем можно. Охота – пуще неволи – весь день в трудах. Да что-то у него не ладилось, налоги, поборы... Бывало, подарков навезет, а сам, что водой окатили. Я уж во все лучшее и так, и этак - улыбается - хоть вой. Детей вот у нас не было. Я тебе тогда завидовала: жизнь чистая, и детки...Ну, потом измаялась. Однажды вхожу, гляжу, вещи собирает – да, словно на свидание - и подумала, не вернется. Стою, говорю: «Ничего, ничего, поезжай», отвернулась, слезы сдержала, да видно спина дрожала... - и не уехал он. Да, только запойным стал. У змей-зеленый, проклятый. Запойный все ж лучше, чем каждый день во хмелю.

АННА ИВАНОВНА – Вот и весна. Деревья еще голые, пыльно, ветрено...Раньше не замечала. Тоскливо, немощно...

ПОДРУГА – Ты чего, о чем? Ты не мучься так. От сына вестей не было? Говорят, из училища сбежал. Ох, и не знаю, что у тебя произошло. Я и здесь расспрашивала, и тетю - молчит...

АННА ИВАНОВНА – Да, так. Вспомнилось, май, праздник... Да разве я не живу? И, правда, жду, жду его, думаю - вот вернется. Но что-то снится мне стало -- словно болен он, а чем болен, никак не могу догадаться; я за ним пытаюсь ухаживать, - а он смотрит внимательно, вопрошающе, словно прощения просит, да вдруг отвернется, лицо в подушку спрячет, как в детстве, но не плачет, глаза сухие – я руку отдерну. И не могу, не могу, не знаю, как ему помочь; не могу...Живу, делаю всё через силу. Смотрю на книги в библиотеке – и не понимаю, не слышу, не чувствую. Нет, я знаю, ценю, ребята книги спрашивают – для них знаю, советую... Вере в школу идти осенью, а я не знаю...для себя не знаю. ...Думала, никогда такого со мной случится не может...

ПОДРУГА – Миша справится. И Петр...Ты с Петром - то в разводе? Иль как?

Входит Александр, ищет и замечает Анну, не решается подойти, навстречу появляется пьяный 1-ый МУЖИК, Александр подхватывает его, видит Анну, отпускает пьяного, тот падает, растягивается во весь рост, закинув руки за голову

1-ый мужик (*кричит*) -- Весна. Солнце мое.

АННА ИВАНОВНА – В разводе. Только ему сейчас уход нужен. Как узнали, что Сергей, сын его, без вести пропал, Петр сильно болен был... Сейчас много лучше.

Восстанавливается. На работу вышел, засиживается... Дома – нетерпелив, капризно-раздражен, да потух что ли... пыхнет зло, и молчит...

АЛЕКСАНДР - Анна?

АННА (*вздвoгнув*) – Здравствуй...

АЛЕКСАНДР -- Здравствуй, Анна... мне необходимо поговорить с тобой...

АННА -- Ты можешь прийти к нам. Сейчас горе, но думаю, может, Петр будет рад. Его сын, Сергей пропал без вести на войне.

АЛЕКСАНДР – Я не могу прийти. Не могу прийти. (*порыв ветра, ловит шляпу*). Вот и ветер. Удивительно, раннее весеннее утро... а солнце холодное, словно отраженное в колодце.

АННА -- Грозы идут. У нас всегда так... Грозы - весной и осенью, как в жизни. Грозы пройдут, тогда...

АЛЕКСАНДР -- Да, хорошо бы. В больнице пыль, душно, а здесь первая зелень... парниковая. Я никогда не решился бы потревожить тебя...

АННА – Ты повторяешься. Мы уже виделись. Прошла зима.

АЛЕКСАНДР – Да, извини... но сейчас, когда ... наш... твой сын...

АННА - О чем ты говоришь!? Миша!? Что ты, ты что-то знаешь о нем?

АЛЕКСАНДР – Здесь. Задержан. Следствие... Разве... ты не знаешь... Петр не сказал тебе... Да, да, конечно...

АННА – Ты. Ты. Ты обманываешь меня... Где он...

чуть раньше ПЕТР ПАВЛОВИЧ в сопровождении личного водителя, за ним журналист, Сережа. Их встречает директор рынка. ПОДРУГА спешно убирает с прилавка деревянные ложки, матрешки. Александр отворачивается к прилавку, курит.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА – Петр Павлович. Дорогой. Рад видеть. А я вас с другого входа жду, жду. Уж подумал, не случилось ли чего.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*не отвечая*) – Аннушка. Ты домой. Я отвезу тебя. Тебе пора домой.

ПОДРУГА (*спешно убирает с прилавка деревянные ложки, матрешки*) – Здравствуйте, Петр Павлович. Доброго здоровья. Вот, помаленьку от своего огорода...

АННА - Да, да, но что он говорил о моем сыне... Не могу? Что это? Вера, где Вера? Вера дай руку...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – ...

ВЕРА – Я не... не хочу домой...

ПОДРУГА АННЫ – Иди, иди, Верочка. Дай маме руку. Маме – не хорошо. *(из под полы)*
Вот возьми петушка-свистульку.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА *(останавливает за руку водителя)* – А мы сейчас, вас догоним. Мы, мухой.

ЖУРНАЛИСТ, МЕРЕЖА – Именно, мухами. Точный образ.

Адвокат, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ поднимается из погребка, пошатнулся;

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА – Василий, ты посиди лучше еще. Петр здесь...

Адвокат, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – А?! Власть пожаловала, *(замечает журналиста)* и властитель дум, борец за чистоту...

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА *(адвокату)* - Однако, я не доверил бы и вам свою честь. Загуляли... что-то не так... грустим...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Не беспокойтесь. Честь у вас надежно спрятана. Доверять можно только деньги, но перед этим подумав, но у вас их нет. И голова мне не нравится. Над Анной показательный суд – не сложился. Да все одно в гору пошли, главным редактором стали...

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА - А знаете, в Спарте холостяков раз в году водили голыми по рынку... Прощайте. *(ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА догоняет директора рынка)*

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – До свидания. До свиданья. Увидимся, и не раз.

Куда все подевались?! *(замечает, подходит к Александру)* Саша. Извини, расслабился. Извини, мне начинает казаться, что и ты избегаешь меня. В прошлый раз ты даже не сказал, как тебе моя новая дача. Она принадлежала еще..... Легче бы было построить новую. В прочем, не важно. Однако мы собирались как-нибудь вечерком отдать дань нашей студенческой жизни. У меня есть стоящий настоящий ..., а помнишь, что мы пили тогда, и все-таки славное было время. Ты не поверишь, можно сказать, «самое аристократическое общество», но хочется отвлечься, поговорить неспешно на отвлеченные темы. Не так как тогда. Теперь уже неспешно. Мы уже не юные - солидные умные люди. А порой жаль. Нет, мне не жаль. Я спокоен, обеспечен. Кстати, ты совсем не умеешь себя вести, твои подопечные жалуются. Словом, ты слишком требователен и холоден. Пойми, после стольких испытаний, лишений людям так хочется чувствовать себя... ну нестесненными. Кто тебе сказал, что они хотят быть здоровыми, они хотят лечиться, кое-кто дорого лечиться. А твой внешний вид?! Хотя я всем говорю, что ты много внимания уделяешь больнице. Что и правда, и совершенно напрасно. Но ты время зря не теряешь. Я все видел. Анна еще более привлекательна... даже очень... печальна. Она развелась с Петром... Теперь она свободна... ли?

АЛЕКСАНДР *(словно издали)* – Свободна ли...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Да?! Ты уверен в себе... Как и тогда, в юности... Друзья детства, старые друзья... Тогда ты ее так и представил дальней родственницей...

АЛЕКСАНДР - ... и теперь, ее сын...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Нелепо. Нелепое обвинение. Всё - нелепо, а лепится. Самоволка в следствии стечения тяжёлых обстоятельств – дисциплинарное наказание. Но он оказал сопротивление. На допросах молчит. Совсем мальчишка... Дело рассматривает специальная комиссия. Государственные интересы и другая чушь... Ты сказал ей, что он – здесь, в тюрьме. Главное, при нем оказались некоторые запрещенные книги... Книжки. Разве в книжках дело. Книги – игра ума, воображения, порой - наслаждение... Петр был болен... Теперь и он возможно ничего уже не сможет. Возможно, и не захочет.

АЛЕКСАНДР -- Пстой, ты можешь помочь?

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Уже почти ничего... Бедняжка. А подавал надежды. А Петр сильно сдал... В ней много затаенного, чудится чистота и бездна страсти. И она – умна... Хотя при подобных обстоятельствах чаще всего долгие несчастья как долгая засуха...

АЛЕКСАНДР – О чем ты говоришь?

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Так, почти ничего. Повтори, что вы друзья детства, юности... Ты не поверишь, но этого я не могу побороть в себе, да и зачем? Когда я смотрю на нее, я чувствую себя словно на краю пропасти, в которую так сладко упасть... и она подхватит меня и спасет. Она не может не помнить меня. А я себя уже забыл. Впрочем, ничего не могу обещать. (*Почти про себя*) Вот, если бы она сама пришла, так сказать, просить за него... Я сегодня утром немного пьян. Куда же ты?

АЛЕКСАНДР - Мне пора в больницу.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Брось. Откровенно признаюсь, я люблю не саму ночь, а вот утро. Еще холодно, солнце чуть брезжит, горячий кофе и можно отправляться спать... спать. Или всё это – воспоминание о юности, мечтах, молодости, силе... Пойдем, выпьем еще коньяку. Я знаю одно место, где можно спокойно и вкусно выпить... чертовски дорогой, ну да в этом своя прелесть.

АЛЕКСАНДР - Не могу.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Тогда спать... Такси... Так жду тебя. Такси. Захмелел. Откуда в нашем городе такси в столь ранний час. Пойду, действительно, выпью еще чуть-чуть. Может, прояснится. Разболтался я сегодня.

Подруга бранится у лотка с мужем

ПОДРУГА (*мужу*) – Ты помой, помой зелень то... В горле у него пересохло. Знаем мы ваше горло. Смотри, чтобы сейчас здесь был... И смех, и грех.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА укладывает свертки в машину Петра Павловича

АННА – Петр, ты молчишь...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*Анне*) – Дома, дома. ... Я сначала на работу, задержусь. Тебя отвезут. (*останавливает ДИРЕКТОРА, оставляет часть свертков*) А это для Сергея ... Бери, бери.

А то писать не сможешь, редактировать, теперь уж главред. В машину не надо (*журналисту*) Ты – уж своим ходом. Анну не надо больше тревожить.

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА – Как, я с этим...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Вот так, на общественном, заверни покрепче. Или вот он, Иван Степанович даст тебе на такси. Спроси. Уверен, даст. Анну не надо тревожить...

АННА – Вера, ты где? Ты здесь?

ВЕРА – Я здесь.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА (Сергею Владимировичу) – Надо же, Петр – молодец, с трудом, губа кривится, а все шутит.

ЖУРНАЛИСТ, СЕРЕЖА (*со свертками в руках*) – Домой разве... Жена, знаете ли, дети. Я расплачусь, я сейчас расплачусь.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА – Не надо. Это он пошутил. Все уплочено. Мне чужого не надо. Сначала – сам делаю, потом – имею и делюсь. Вы, СЕРЕЖА, с Петром Павловичем позже рассчитаетесь... А вот и такси. Вася заказывал, да забыл видно. Так, что и деньги пригодятся, на такси.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА (*Александру*) – Сашка. Постой. Столько лет...

АЛЕКСАНДР – Привет. Рад видеть. Да, послушай, ты общаешься с Петром...

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА – Да, делишки. Дела у него - у прокурора. А ты уезжаешь. Выпустили или отправили. А я вот и спину гну, и выю. Как детишки пошли, как женился. Рано женился. А как иначе. Я человек простодушный. Первую любовь, жену оставил - сам, когда под следствие попал. Так лучше – что имел, им оставил. Да обошлось. Через Васю, Петр, помог, теперь и дружим. К жене, к прежней жизни не вернулся, уж так сложилось. Не смог или не захотел. Детям помогаю. Сейчас легче. Женщина есть, детей нет и не будет, сердце хоть болит да не так. С Васей порой вместе загуляем, и охоту полюбил. Детям образование надо дать – хочу в столицу отправить. Науки, естественно, – естественные. Устал -- бояться. Вот такой-то наш покой. Видно на роду написано – крутиться. Да и азарт. Знаешь, ведь и людям помогаю жить. Лес вокруг - стройматериалов нет. Мясо по тундре ходит. Все, все надо организовать, устроить. Больше забот – меньше грустных мыслей. К недостатку, правда, привык. И на черный день. Все может случиться. От тюрьмы да от сумы..., а президентом – не станешь... да и здоровье уже не то. Однако – не продохнуть, только – вздыхаешь. Понадобится, Петр меня сдаст... не моргнет, дальше пойдет, и не вспомнит.

АЛЕКСАНДР – Устрой мне с ним встречу...

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА – Тебе? С ним?.. А Васю не просил... Ты, как всегда, молчишь. В подвал столовки рынка к пяти. Вначале меня найди...

АЛЕКСАНДР – Спасибо.

Сцена 11 (20)

Палата в тюремной больнице. Миша спит, входит Александр.

АЛЕКСАНДР (*молча, всматривается в его лицо*) -- Вы спите и...?

МИША (*просыпается*) -- ...и улыбаюсь. Да. Я, кажется, улыбался во сне. Примите это на свой счет. Я благодарен вам за лазарет, свежее белье, минимум одиночества. Просто физически соскучился по чистоте... Не думал, что вы – тюремный врач. Вы, кажется, уезжали. А мы все-таки увиделись во второй раз, но квартира мне уже не нужна. Уже есть.

АЛЕКСАНДР – Временно работаю врачом скорой помощи. Здесь – по совместительству. Попросил. На время... – увидеть тебя... вас.

МИША – Правильно, надо всегда и везде жить на время... Тюремный врач – иногда интересное словосочетание... Человек выздоравливает, ясно сознает время, ситуацию, собственную вину – и у него самого возникает желание самоубийства... или спокойно принимает, приемлет смерть...или осуждение...

АЛЕКСАНДР – Обвиняешь?... У меня как врача есть вера, надежда на выздоровление, помилование другого... Уехать - не значит оставить... Оставить можно, потому, что сам болен, немощен, дать покой, и самому время... Есть и остракизм – насильственное отчуждение. Вопрос, кто принимает решение... Кто имеет право на решение...

МИША (*указывает рукой за дверь*) -- Там не дают спать. Сто пятьдесят человек, битком, впритирку - на пятьдесят нар, в очередь. В провонявшей койке, слушаешь, как режут друг друга за эту самую койку, и... нет сил подняться. Я лежал с открытыми глазами, если удавалось забыться во влажной от холодного пота одежде, одолевали кошмары. При дневном свете тоска без слов приковывала к оконной решетке. Я простаивал, вцепившись в нее руками, чтобы... не замататься и не загрызть кого-нибудь. А сейчас мне даже дали бумагу. (*отходит к окну*). На свете есть зима. Катание на горках, А в сумерках – обед. Блины стоят – горой. И мама у плиты, А папы дома нет. На свете есть зима. Деревья в мягких шубках. Твоя ладонь в моей, А vareжка одна. Один билет в театр, Но теплится надежда... На свете есть зима Промозглая и злая. Ломает ветр ветвей, Заиндепевших, звон. Да лужа под окном Трепещет о былом. Да поздний лист, дрожа, При свете фонаря Вдруг золотом блеснет... На свете есть весна, и смертный приговор... Я слышу, тает снег, Как с крыш течет капель. Я вижу облака. Решетка на окне... Беспечно весела И полная огня, Сыграли мы, скорбя, Отменный водевиль... Я проклял жизнь, судьбу, Так зла тоска моя... Я вижу наяву ее глаза,.. Я чувствую их боль... На свете есть весна, и смертный приговор... Лишь с матерью страшит Последний разговор... Привыкни ма, прошу... Иначе я не смог... Иначе не хочу... (*отворачивается*) Вру, вру, вру... Этой ночью сны-воспоминания возникали и исчезали, оставляя горечь. В моей жизни было мало постоянного; следовательно, подлинного. Жизнь прошла, словно накануне казни; (*ухмыляется*) Еще до суда. Скоро городской суд... Но под утро лицо моей матери как улыбка мягкой осени, как в детстве, просыпаешься с предощущением праздника... Я долго не помнил лицо матери, не вспоминал о нем...

АЛЕКСАНДР -- Долг милосердия в том, чтобы взять на себя ответственность, принять вину на себя... вина – не преступление.

МИША (*не дослушав, доктору*) – Слова...это пустое...не надо. И, письмо, которое я прошу передать вас, только после суда. Пусть узнает, когда все будет решено, конечно (*иронично*). Простите мне и эту слабость. Мать все равно, чтобы не случилось, будет

надеяться, надеяться на невероятное, невозможное. Это ее и спасет... Я был ее ребенком... И это лучше, чем то, что открылось бы сейчас во мне ее глазам... Некоторые в черта верят; надеюсь в наличии черта только в моем поколении...

АЛЕКСАНДР – Действительно, слабость. Вина – не преступление, а понимание, и поступки... А ты, ты думаешь, словно тебя поставят в угол до обеда и... Речь о тебе... ты обвиняешься в дезертирстве, неповиновению и распространению... Речь не о тебе ...о ней....

МИША – Она будет ждать меня.

АЛЕКСАНДР – Думаешь, это легко... из тюрьмы, и не знать. Однако, ты ушел из училища еще накануне присяги. То, что у тебя нашли книги, еще не о чем не говорит. Твое поведение во время задержания вполне объяснимо твоим состоянием... Все это является смягчающими обстоятельствами для наказания... Ты понимаешь разницу между бытовой самоволкой, дисбатом и... и... тюрьмой, лагерем на несколько лет.

МИША – Уже был ваш друг, Василий Васильевич. Он и принес бумагу, Ему я уже сказал – «спасибо» - и отказался от адвоката.

АЛЕКСАНДР - Ты не знаешь, что такое постоянное, постоянное унижение.

МИША – Я умею себя не только не жалеть, но и - ненавидеть ... Так и было, бытовая самоволка... Только, возможно ли здесь остаться, прожить частным человеком.

АЛЕКСАНДР - Неужели ты решил отказаться от борьбы в суде.

МИША - Я уже спасся. Я бодр, покоен. Да, страданием это не назовешь. Сво-бо-да. Я дурно все понял... Да? Да?! Да я помню вашу картину, ее лицо поразило меня с первого мгновения. Выражение скорби, но скорби и веры, того страдания, которое не иссушает душу, а делает её живой. ...И хотя мои чувства скорее напоминали весеннее половодье, даже давешние надежды обрели какой-то смысл. Было нечто странное в моем чувстве, ибо ее тревога и слезы вызывали во мне радостное наслаждение... И кажется, я опять начинаю лгать и болтать, я путаюсь. ...Надежда пронизывала все мои чувства... Она не любила говорить о своих чувствах. Заключение – кончатся мои приключения-злключения. Пусть будет так. Лишение свободы, поверьте, в этих словах для меня нет ничего пугающего.

АЛЕКСАНДР – В словах может быть и нет для тебя пугающего, но что-то все-таки произошло, должно было произойти?

МИША – Да, случилось. «Нас всех подстерегает случай». Случилось несчастье. Да история банально повторилась и на этот раз не так счастливо для меня. И ведь самое простое, трудные условия жизни тому причина... И причина тому – я. Я уже осудил себя. Иногда она весь день проводила в печальной задумчивости. Позже приступы беспричинной веселости, заканчивающейся слезами и истерикой. Надо ли говорить, что я мучился виной, раскаянием, и, наконец, злостью на себя. На всякое счастье-несчастье деньги нужны. Презрение к заботам человека, к собственной смерти, жизни, но это честнее чем, тоже презрение, скрепленное и оправданное теориями и законом или призранием. Этими людьми владела страсть к своеволию, они никогда не прощали обиды. И реальная постоянная опасность, расчет только на свои силы. ...Но себя я презираю. Это не жертва - это предательство себя, ее, матери...

АЛЕКСАНДР - Я могу помочь симулировать временное помешательство, и это отложит судебное заседание.

МИША - Сумасшествие!. Этого диагноза они и хотели, хотят. Или просто смеялись. Что ж, может быть я действительно болен. Вот мне хочется знать, что вы действительно думаете в данное мгновение, даже не думаете, а я не могу объяснить, впрочем, Или... «В чем смысл человеческой истории и желаете ли вы ей благоприятного конца» - цитата.

АЛЕКСАНДР – Почему конца. Почему конца... У каждого и своя история, и твоя тоже ещё не кончилась... Я еще раз поговорю с другом, адвокатом...

МИША – Вы всегда хотите или можете с кем-то поговорить.

АЛЕКСАНДР – А твои друзья, где твои друзья, с которыми ты воспринимаешь мир.

МИША – Мои дела – мои дела...Моя судьба – моя судьба...

АЛЕКСАНДР – Не только...В чем твое личного мужество. ...У тебя нашли кое-какие книги, и это имеет большое значение для дела, следствия...Это не твои книги...и...

МИША – Да, писал – не я, принадлежат - мне.

АЛЕКСАНДР –... *(после молчания)*. Я поговорю с Петром Павловичем.

МИША – Нет. Я боюсь, что меня взбесит на суде лицемерное ханжество, прикрывающее злую ограниченную корысть. И я начну говорить. ...Да, что я могу сказать. Впрочем, я и сам никогда не понимал этих господ... Сумасшествие, нет - я не доставлю им такой радости. Это смешно. Я все собирался начать жить, это были неопределенные мечтания с обязательной привлекательностью возвышенного, смысла...

АЛЕКСАНДР – Книги, скажи, что для тебя в них....

МИША *(иронично)* – Мои друзья.

АЛЕКСАНДР - Поверь, я искренне сочувствую. Конечно, твои поступки, может быть, волею обстоятельств, твое состояние ...заслуживают осуждения. Но сейчас я ...врач... подозрения в безумии, ты сам себя подозреваешь, это пройдет, когда спадет напряжение... Возможно, в последнее время жизнь и требовала чрезмерных усилий... Твое поведение только на руку тем, кого ты... не понимаешь.... Все много проще. Я имею личную заинтересованность в твоей судьбе. Что же касается...

МИША - Нет, право все неплохо устроилось. Я не хочу судебных разбирательств. Лагерная жизнь не вызывает во мне страха. Это- правильная, надеюсь, достойная оценка по поведению. Все устроилось, в другом случае - моя жизнь стала бы мукой не для меня одного. Это лучше чем то, что открылось бы глазам ее. Пройдет время...Вот и пошел дождь, а грозу надо ждать к ночи. Жизнь так трогательна, человек так сложен, интересен... «И если жалость не дана в удел сердцам невежд, а только мудрым сердцем, то диво ли, что мы платить должны страданием за чуткость сострадания». Цитата! *(иронично)* Красиво, не – правда ли. *(серьезно)* Не правда – ли. Кажется, я недаром немного учился. Хотя что-то помню. Но не хочу жалости к себе. Это у меня от матери. Извините, странная болезненная болтливость. Прощайте. Ступайте ж, наконец. Что вам от меня еще нужно. Знаете, я думаю, у нашей страны после стольких страданий

действительно будет светлое будущее. Ведь преступления, преступления государственной власти... требуют очищения...

АЛЕКСАНДР – Откуда столько оптимизма...

МИША – От несчастья.

АЛЕКСАНДР – Да, мне многое от тебя нужно... И тебе понадобится помощь. Каждому помощь нужна, но каждый сам справляется. Человеку дана возможность и благо – говорить. Разве ты не хочешь кому-нибудь помочь? И власть... надо владеть собой.

МИША –... разве я могу кому-нибудь помочь. Разве я могу что-нибудь сделать самостоятельно и благодарно.....

АЛЕКСАНДР – Попробуй...

МИША – А что Федор Иванович?

АЛЕКСАНДР - ... В другой раз. Тоже болен... Съел кашу – вымой чашку. Цитата. Наставления буддийского монаха.

Сцена 12 (21).

Кабак, что на базарной площади. Дверной проем с улицы, лестница, спускающаяся вниз, в полуподвальное помещение. Александр появляется в дверях, к нему подходит Иван Степанович, директор рынка. Позже Петр Павлович; Алексей, друг, Александра; Адвокат, Василий Васильевич; Журналист, Сережа...

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА (*встречает Александра*) – Саша. А я к тебе навстречу из окна приметил. Прости, хотел предупредить. Смотрю, ты без зонтика. Моросит. Ты совсем промок... Пусть на дворе весна. Осенний дождик моросит с утра. На небе мгла. Прости меня, прости его. Он не ушел. Её слезой заморожен, Все под дождем, Но он хранит твоё «люблю», твоё «молю», свою мечту... Видишь, помню. Храним ли... Что прикажешь? Что хочешь? Есть хороший кофе.

АЛЕКСАНДР – Лучше крепкого чая. Мне нужно, я бы хотел поговорить с Петром Павловичем.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА - Да. Петр должен быть... После работы засиживается,.. весь вечер с одной кружкой пива. Иногда думаю, не спит ли... И мне надо с ним поговорить: оказалось нужны комсомольские рекомендации, характеристики - я тебе уже говорил, хочу детей в Москву учиться отправить, и парнос Петру внести. Позволил себе немного чести – остаться беспартийным. Да в случае чего – оскорбить не смогут... Кружку пива. А раньше бывали такие застолья... Когда-то и ваша компания редко, но весело, и тоже оставляла здесь кое-что. Я посажу тебя за столик Петра. Петру сказал, что его ждут, дальше ты сам. Язык не повернулся тебя назвать. Да и может повернуть назад.

АЛЕКСАНДР - Так мне кофе, пожалуйста.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА – Я хочу устроить здесь уважаемое заведение, для своих...(останавливается). Впрочем, тебе – не интересно. Здесь. К кофе коньяк?

АЛЕКСАНДР – Пожалуй.

Из дверного проема -- ...дождик, дождик, пущи, дам тебе я гущи! Дождик, дождик, веселей... Ты же промочишь ноги. Что мне с вами делать... Не брызгайся... детский смех.

Девушка поет в зале:

Этот город. Летний вечер. Шелест бульваров В закатной пыли. Стой, не стой беспризорник. Здесь нет светофоров. Есть добрые руки Врачей, учителей, Друзей, Если помощи хочешь, Если хочешь помочь и другим. Белый город. Переулки гулко воркуют в летней ночи. Прозрачная дрема, Сияя, встречает Томный восход. Белый город. Зной и полдень. Леня и истома, томит... Белёс неба свод, Пот – слепнем в глаза Угли дорог Гарная мгла Душит жара Больше нельзя Жизнь не мила Мнутся моря Бессилье саднит Бесит «нет сил» Будет гроза Парит... Вот и она Нежит глаза: Гроза вспышками молний Дверь нараспашку. Небо. Всполохом свет. Бьется земля. Рвет небеса. Мечется тьма. Ветер и дождь, Милой листвы тревога Мирит... Этот город. Летний вечер. Пепел заката После грозы. Послушай, девчонка Здесь нет остановки. По мостовой Потоки воды. Мчатся машины, Будь осторожна. Полюбишь – люби. Белый город. Глубокое небо. Ясные звезды. Свежесть земли После грозы... Этот город. Летний вечер Алою розой цветет Послушай, мальчишка Послушай, девчонка Немного людей Своей жизнью – судьбою живут Так берегите... так... почему, почему, почему, почему, почему

Почему на концлагерь похож

Мой

Этот город... Добровольное рабство – позор и порок...

Добровольное рабство -- мой тайный восторг Пред тобой, Не приемлющей рабства, сострадающей скорбной дерзкой смешной глупой, ей-богу, беспечной незнающей фальши, ветряной верной милосердной крутой щедрой скупой капризной родной... Не терпящей власти - Кроме неба и страсти, заботы о счастье детей ...

АЛЕКСЕЙ -- ...Наконец! Александр... А я... сбился с ног, тебя разыскивая... Вот. Заканчивается срок.

АЛЕКСАНДР – Подождут, еще немного.

АЛЕКСЕЙ -- Чего ты ждешь? Ты научил меня... скорби и труду. Я не могу оставить тебя... Едем же, черт побери. Я не могу подставить своих детей.

АЛЕКСАНДР - Я сказал, поезжай. Я позже. Да, дети делают нас сумасшедшими и святыми; мирят с миром и не позволяют мириться, без мелкого самолюбия...

АЛЕКСЕЙ - Без тебя?! Ты превращаешься...

АЛЕКСАНДР – В сумасшедшего. Нет, я совершенно в порядке. А ты - пьешь.

АЛЕКСЕЙ - За меня беспокоиться нечего. Во мне горит огонь и неутомимая жажда. Может быть дыхание пекла. Знай, до тебя я не доверял образованным... Я прощаюсь ... с родной стороной...

У столика Александра появляется Петр Павлович. Алексей отходит на свободное

место, мимо него проходит девушка-невица. Он берет ее за руки и усаживает напротив себя

АЛЕКСЕЙ (*девушке-невице*) – Сиди. Я расскажу тебе одну историю. У тебя ангельский голос и глаза голубые как небо над моей деревней. Однажды мы спасались в северных водах. И несколько суток у всей команда ни маковой росинки во рту. С риском быть зажатыми льдом, легли в дрейф и закинули сети. Видела бы ты разрезанные улыбкой лица, когда в сетях оказался совсем еще юный тюлень. Я взял его на руки и пошел к борту. Никто не сказал мне ни слова. Детеныш разбился о случайно подвернувшуюся льдину. Спой же мне что-нибудь. Знаешь, на Руси всегда не хватает на содержание заключенных. В старину двоих сковывали и выпускали в город просить подаяние. Двое не убегут... Эх, жизнь моя покавырканая...

Девушка вырывается. Входят влюбленные и занимают столик. Кто-то подходит к музыкальному аппарату, опускает монету – «Я так хочу, Чтобы лето не кончалось, Чтоб оно за мною мчалось, За мною вслед....»

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - (*хочет сесть за другой столик, и все же садится за свой*) – Я слушаю. Не ждал!?

АЛЕКСАНДР - Да. Мальчишка, по моей просьбе переведенной в лазарет. Несоразмерность вины, проступка и отношения к нему позволяют надеяться... что ваше вмешательство, заступничество могли бы и ...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Мой сын на войне.

АЛЕКСАНДР - Я прошу вас...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Ваши подозрения, ваши подозрения бросают тень... Я хочу просить вас оставить меня и Анну в покое. Ты отняли у меня все. Иван. Где мое пиво?!

АЛЕКСАНДР (*приподнимается*) – Мои подозрения? Я просто хотел говорить привычно, понятно для вас. Я думаю, ваши представления о жизни в силу ваших жизненных обстоятельств и необходимости, обязанности положения - ложны, лживы, убоги.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Это мой стол!

АЛЕКСАНДР – и поэтому преступны...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ (*встает, уходя, подошедшему Ивану Степановичу*) – Не ждал.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА (*подошедший с кружкой пива, садится за столик к Александру*) – А у нас, я уже говорил, намечена обширная реконструкция, и под это я хотел сделать респектабельное заведение, куда может прийти приличный человек, кто не считает каждый грош, и не врет себе и людям. Хотел детей учиться отправить... Да, что-нибудь придумаю. Мои проблемы конкретны, реальны и оттого решаемы. Тебе – это не интересно. Не переживай, придумаю.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА - Что закажите?.. Что вы хотите? Что вам будет угодно?

ЮНОША – Что вам нужно?

ИВАН СТЕПАНОВИЧ, ДИРЕКТОР РЫНКА – Надо заказать.

(Входит из кабинета АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ)

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Шампанского *(замечает Александра)*. Как хорошо, что я тебя застал. А мы оба, я вижу, немного загрустили. Еще шампанского! И коньяк, Тебе -- коньяк. Стал уставать к вечеру. Жить можно только в легком кайфе.

АЛЕКСАНДР - У меня к тебе просьба. Извини, но ты дал понять, что...словом, ты можешь помочь.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Конечно. Ты проявил себя. Я могу рекомендовать тебя самым лучшим семьям. Сейчас только и разговоры, как о перенесенных лишениях и приобретенных болезнях. Дамы и без меня тобой заинтригованы. Ты пропал столько времени.

АЛЕКСАНДР – Скажи, ты сильно пьян?

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Если о деле – всегда трезв...

АЛЕКСАНДР - Да, помочь этому юноше...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ *(смотрит внимательно на Александра)* --. У юноши есть папа, и юноша - совершеннолетний. Он вывел из себя всех, он вел себя с беспечностью, вызывающей раздражение, претендующей на нравственное превосходство. С беспечностью приговоренного к смерти... Он молчит ...но он подставляет Анну...

АЛЕКСАНДР - Но это отчаяние, за этим кроется отчаяние, и осуждение себя..

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – «Сын мой, отчаяние - великий грех. Подумайте о вечности, сын мой». Или об историческом развитии. И есть еще один ответ – «не человек создал Левиафана». После чего Иов прикрыл рот ладонью, глаза оставил открытыми. Нет, в жизни есть что-то библейское. С одними не говорю о доходах, с другими – о кремлевской погоде, с третьими –не обсуждаю проблем воспитания детей...Погода, конечно, меняется, но многое в судьбе предопределено наследственностью, характером, чаяниями...Посмотреть на нас с тобой... Ну, не обижайся. Тебе ли не знать разницу, между отчаянием и игрой в него. Он сам не захотел себе помочь... Это почти то, что он и ты хотели: почти отдельная комната, почти скромное обеспечение. Нравы, уж точно, становятся мягче. Я помогаю только тем, кто этого хочет. Видел бы ты лицо Николая Ивановича. Оно пылало от ярости как раскаленная печка и брызгало слюной, словно на нее вылили ушат холодной воды. А мальчишка молчит. Жаль, не было дам. Это было так смешно. Есть что рассказать...Я пьян, а ты – уезжаешь.

АЛЕКСАНДР -- Постой, я прошу тебя. Ты бы мог это сделать для меня? Если для этого нужны деньги...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Не воображай, что все так просто. Много воды утекло. Дело приобрело такой оборот, что всякое заступничество повлечет за собой ... Надо думать и о своей репутации. Всегда достаточно малости, чтобы все двери перед тобой закрылись. А деньги, деньги, дорогой мой, тебе понадобятся самому... Еще

шампанского! И коньяк. Извини, порой чувствую себя разбитым стариком. Власть, государственная власть призвана к установлению порядка, порядка, способного оградить порядочных людей. Или уже порядочных. Или только приличных. Да, с виду они доброжелательны и добродушны, с печатью благородной усталости на лице. Что ж, за все приходится платить. В порядочности я уже сомневаться не могу. Каждый побеждает свое отвращение к жизни, как ему удастся. Так или иначе, все мы стремимся устроить свою жизнь как заведенный механизм, чтобы она меньше требовала чувств и усилий, только приятно волновала нам нервы. И в этом я честен. Свобода, справедливость, честь - все это личные понятия. Наказание возможно только, если ты сам его признаешь, только от того кого любишь. Только тогда и страшно. Хотя покорности и порока и пророков вокруг довольно. Хватит об этом. Заходи, поболтаем. А то все дела, иски, встречные иски, мысли о гонораре - ведь они привыкли не платить, а благодарить. Хочется отвлечься. Мой бывший друг, знал бы ты как я одинок, но ты не хочешь этого знать... Да, чуть не забыл. Передай от меня, ты догадываешься кому, этот подарок. Безрассудная трата... даже для меня. Тут я решил рискнуть (*разглядывая*). Что ж, он похож на каплю росы в солнечном свете. Истинно замечательным его делает только сознание стоимости, сознание того, что сотни людей, проводивших жизнь в изнурительном труде, могли быть осчастливлены обладанием им.... Ему идет вечернее освещение, в блеске завистливых немощных глаз обладательница его превращается в богиню, избранницу. Надо выпить чашу до конца.

АЛЕКСАНДР – Я не прошу от тебя речей, то есть прошу... Слушай, во-первых, он ушел из училища, военного училища еще до принятия присяги...

АДВОКАТ – Саша. Я свою работу знаю.

Сцена 13 (22).

Анна Ивановна и Петр Павлович. Анна застилает постель, Петр Павлович отмеряет таблетки...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Одну добавим, нет – две... (*выпивает лекарство*)

АННА - Врач сказал, ты злоупотребляешь ...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Ничего он не знает, этот твой участковый. Это мне привезли.

АННА – Тогда было необходимо.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Ложись спать. Хочешь (*предлагает таблетку*), – сразу уснешь...

АННА – Нет. Ты ложись, так тебе будет уютно, чуть повыше. Хочешь, я посижу с тобой ... или включить...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Ложись спать. Включи телевизор.

АННА ИВАНОВНА - Я боюсь... я не могу лечь спать... Никогда еще мне не было так беспокояно... Я не усну. Мне, кажется, я могу совершить нечто ужасное, во сне может случится нечто ужасное... Нет, я боюсь снова прометаться всю ночь от постели к окну... от ужаса во сне к постылому рассвету ... (*Анна закусывает свою ладонь*)

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Сам Николай Иванович сказал: «Вы можете гордиться своим сыном». Ты путаешься...

АННА ИВАНОВНА - Да, да... успокойся... тебе надо отдохнуть...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Ложись спать.

АННА ИВАНОВНА - Одно слово. Скажи мне правду. Миша где-то здесь. Скажи ...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Ваше ожидание делает мою жизнь невыносимой. Поймите же, наконец, я не в силах этого переносить. Уже поздно, ложитесь спать. Свет тоже надо экономить. Перебесится, тогда и вернется... просить прощения.

АННА – Он бывал не в меру шаловлив. Да, да, он всегда первым приходил мириться. Почему ты смеешься? Хорошо, хорошо. Я скоро лягу... Немного посижу так.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Придет, придет... Как хотите. Да зажгите вы свет.

АННА – Я посижу так...

(Петр Павлович ложится и смотрит телевизор. Начинается гроза. Порывы ветра распахивают окно. Петр Павлович вскакивает с кровати, но глаза его закрыты).

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Это ты? Сергей?.. Да, вас отправили... Сережа. Я ничего не мог сделать, я узнал слишком поздно. Говорили, быстрая операция, ... вот, вот закончится. Да, для многих заканчивалась очень быстро. Ты – дезертировал. Как же теперь? Здесь, это твой адрес, фамилия, имя... Нужны деньги. Конечно, я понимаю... Нужно больше денег. Я сейчас...

АННА ИВАНОВНА – Петр, ты с кем... Ничего не могу разобрать...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ *(Вспышка молнии)*. – Почему ты здесь. Кто пустил... Мой сын пропал на войне... Вы хотели узнать правду. Вот она, ваша правда... Ваш сын заключен в тюрьму. И он уже был здесь той осенью и с девицей... Пришел утешать меня, меня...

АННА ИВАНОВНА -- Неправда! Он не мог совершить ничего дурного *(собирается уходить)*

ПЕТР ПАВЛОВИЧ *(приближается, надвигается на Анну. Анна отступила, споткнулась)*– Куда! Куда! Моя... теперь уже моя, моя *(опоминается)*..... Куда ты? Надеюсь, ты отдаешь себе отчет, что никогда, никогда не сможешь вернуться... я не смогу принять тебя обратно... Никто, никто не в силах нам помочь. Если бы даже я просил за него - это бы ничего не изменило, ничего... Анна. Я привязан к тебе. Жизнь принесла нам столько испытаний. Ведь мы уже не молоды, неизвестно, сколько нам еще осталось дней... Анна, я не смогу без тебя – мне надо, чтобы ты была рядом.

АННА ИВАНОВНА - Я не могу... не могу. Я должна куда-нибудь идти...

ПЕТР ПАВЛОВИЧ - Анна! Уходишь?!... Хорошо. Я словно очнулся. Надо действовать... Словно гора с плеч свалилась... Такое предоставляется раз, два в век... раз в человеческий век.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ опускается на стул, дотягивается до телефона, набирает номер

ПЕТР ПАВЛОВИЧ – Алло... Машенька... А как же, всех вас по имени помню. И прическу сегодня заметил, изменила, тебе идет... Что, ну и что, что начальник... Да, ладно, Машенька... Все вы для меня – родные, всем вам счастья хочу. У меня дочь растет, вот за стеной спит... Что ей снится... Соедини с Ивановым... Переключи на домашний... Алло... Иван, спишь... Бдишь. Правильно – бди, но запомни. Утром проспишься, не забудь. Слушай внимательно, и не перебивай... Дело этого Михаила Александровича..., ну ты понял... Закрой, из уголовного - в дисциплинарную комиссию отправь... Я позвоню... Лишнее убери. Все лишнее убери. Пусть - его, ему на пользу... Нет, завтра переспрашивать не надо. Со мной все в порядке. Все сказал. (*задумывается*) А впрочем... Пусть посидит... ему на пользу... Утром се решу....

Сцена 14 (23)

Анна и Александр

АЛЕКСАНДР - Анна, ты? Ты пришла? Ты вся промокла. Как много лет назад. Помнишь наше путешествие... Я только закончил чинить башмаки. Была гроза, ты вышла, выбежала принести что-нибудь из погреба. Я лежал и думал о тебе. Дождь проникал сквозь разохшуюся крышу, и капли звонко разбивались о расставленные чашки, блюдца... Я думал о тебе с благодарной радостью, ты была совсем рядом. Словно, было достаточно протянуть руку. Можно было перейти двор, придумать какой-нибудь пустяк и позвать тебя... Хочешь, мы уедем туда. Ты появилась на пороге, прислонилась головой к дверному косяку, за твоей спиной шумела живая стена дождя. Ты вошла, словно только что.... Потом - голос хозяина, он звал меня. И я вышел, чтобы не выдать твоего присутствия... Быки, испугавшись грозы, порвали бечевки и носились по загону, обезумев от страха. Вспышки молний высвечивали из темноты черные, лоснящиеся от дождя и пота спины; глаза, налитые кровью. Хозяин и я, падая в месиво грязи и навоза, и поднимаясь, широко раскидывая руки, пытались накинуть веревку им на рога. Увлеченные, выкрикивали непонятные слова, и глаза наши смеялись... Было сладко опасно. Потом мы сидели с ним, чуть прижавшись друг к другу, и пытались раскурить промокший табак. «Сынок, - сказал он, - Я провел свою жизнь в заботе, на этой земле. Каждый год в поте и крови работал и надеялся на то, что урожай будет лучше, чем предыдущий». Табак разгорелся, я курил, вбирая дым полными легкими. Когда вернулся - ты спала, как ребенок, раскинув руки.

АННА - Ты так долго не возвращался. ...Оставь это мне... Зачем я здесь?! Мой сын... Сегодня утром...

АЛЕКСАНДР – Час, полтора... Уедем, Анна! Поедем за ним, будем рядом. Ведь впереди еще долгая жизнь.

АННА – Где он, что с ним...

АЛЕКСАНДР - Поверь мне, Анна. Последние дни я не знаю, что со мной происходит... Я все время пытаюсь что-то вспомнить... Надо довериться жизни. Я хотел помочь ему - он отказался. Он любит тебя, мысль о тебе странным образом питает его мужество... Мы никогда не забудем о случившемся. Пусть во всех наших чувствах будет доля страдания. Никогда, как сейчас, я не чувствовал возможность другой, полной, открытой жизни. Позже мы уедем все вместе. Там, куда мы уедем, есть чудесный обычай: на закате дня, когда солнце уходит за море, хозяин дома открывает дверь и садится на крыльцо выкурить трубку на случай, если кто-то задержался в пути. Там жизнь еще не тронута... Там у людей

ясные глаза и речь.

АННА - Я ничего, мучительно ничего не понимаю... Что же с ним?!

АЛЕКСАНДР - Все это нелепо... Очевидные злодеяния прошлого, лицемерие и ложь, прикрывающее злую корысть и бессилие, отсутствие руководящей идеи, идеи останавливающей занесенную руку - прикрытые демагогическими заверениями, опирающимися на низшие потребности человеческой природы...

АННА – Низшие?!

АЛЕКСАНДР -- Не позволили ему различить людей, толкнули его в пропасть, лишеного реальной действительности, мечтания. И раздраженное самолюбие. Ведь он оказался тем, кого он так искренне ненавидел. Он принес одно горе.

АННА – У него благодарное сердце. В чем он виноват? Я уверена, он не мог совершить ничего преступного. Он бывал не в меру шаловлив, но потом особенно нежен.

АЛЕКСАНДР - Он вел себя как ребенок, капризный, своевольный ребенок. Он не пожелал защищаться. Что это... Еще раз убедиться, и этим оправдать себя? Желание обнажить затаившееся зло? Сознание собственной вины, проникшее в его сердце, еще не служит оправданием. Ему изменило чувство банального, здравый смысл. На суде ему будет предоставлено последнее слово... И я думаю... думаю, ...

АННА - Что ты говоришь? Я хочу видеть его...

АЛЕКСАНДР - .... Я повторяю, уверен, что в последнем слове...

АННА - Я хочу видеть его...

АЛЕКСАНДР – Через адвоката... Да... я должен передать тебе, меня просили передать...

раскаты грома, не слышно. Александр говорит, передает подарок АДВОКАТА, Василия Васильевич, - ожерелье. Анна берет, не обращая внимания, держит в руках, выбегает, часть ожерелья рвется.

АЛЕКСАНДР – Постой, еще письмо, где-то письмо...

Александр остается один, начинает искать вокруг себя, в некоем помешательстве, опускается на колени, порой находит горошину ожерелья, рассматривает на ладони. горошины выпадают из рук, рассыпаются, и снова он начинает собирать и не может собрать.

Сцена 15 (24).

Дача АДВОКАТА, ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА. Адвокат и его мать на лестнице в пролете на второй этаж. Внизу гости, Застолье. Рядом карточный столик. Звонки в дверь. Входят новые гости. С появлением каждого гостя или гостьи разговор в кругу дам оживляется, доходит до яростного шепота по мере приближения и обрывается. позже Анна

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (на лестнице на второй этаж) - Мама, я прошу тебя - останься. Посиди немного.

МАТЬ - По-моему, я только стесняю твоих гостей, и мне пора. Я привыкла рано вставать.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*провожает*) - Пожалуйста, не обижайся, да я сказал, что сегодня день моего рождения. Не придавай этому значение. Это просто хороший и приличный повод пригласить кое-кого из гостей. Пойми, я завишу от этих людей. Пока завишу. Тебе не нравится наш новый дом. Разве каждый человек не свободен выбирать...

МАТЬ - ...свою мать...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Мама! Однако, ты совсем не рада. Ты не хочешь понять, чего мне это стоит...

МАТЬ - Извини, я не хотела тебя обидеть. Мне пора спать.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*хочет что-то поправить у нее на голове, но, теряясь, отдергивает руку*). -- Теперь тебе незачем рано вставать.

В очередной раз звучит звонок, за ним распахивается дверь, Анна в дверях

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (*сбегает вниз*) - Что такое, почему?... Но не сейчас, не сюда (*обернувшись к гостям*) Извините, досадное недоразумение, работа...

АННА - Простите, я испугалась. Я пришла просить вас о свидании

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ведет ее наверх. Ожерелье в ее руках, зацепившись, по-прежнему рвется, и камни рассыпаются по ступеням. АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ замешкался, но ведет Анну по лестнице. Кое-кто поднимает).

АННА - ...о свидании с моим сыном

Реплики гостей -- Я никогда ни о чем не просила! Всегда просили меня. - Так унижать себя! - Ты заметила, что у нее в руках. - Святая простота. - Кто-то подбирает женчуг

АННА - Он ни в чем не виноват. Это все - я. Я умоляю вас!

МАТЬ (*на лестнице*) - Бедняжка, да ей совсем плохо. Я провожу ее наверх.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Спасибо, мама. (*спускается вниз*)

ГОСТЬ- Чем это вы решили нас позабавить. Недурна.

Гость - Нет, увольте. Вы знаете, так сказать, всегда готов помочь. Но, сколько можно....

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Так на чем мы остановились?

ГОСТЬЯ - Дорогой, вы рассказывали нам...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Ах, да... извините, совсем забыл конец этой истории. Кажется, она сказал -, Если кое-кто не хотел, чтобы не было богатых, то ее предки хотели, чтобы не было бедных...(задумчиво) Не было бедных.

У карточного стола - Не хотите ли вступить?

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Каков банк... Нет, высок для меня.

ГОСТЬ -- Трудолобив, когда это приносит такие барыши - и все-таки я не доверяю этим, чье рождение окутано мраком. Молодец, скрытен. Деятелен. Но жизнь – игра. Настоящая жизнь – в игре. Проиграл – пулю в лоб. И зачем они живут, но правила устанавливаю я.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Я поднимаю банк...

(гости кладут карты)

Сцена 16 (25)

Адвокат Василий Васильевич оставляет гостей и поднимается к Анне Ивановне наверх, мать Василия выходит при его появлении

МАТЬ – Ее лихорадит... Васька, оставь её. Это пройдет ..

они молча смотрят друг на друга.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – Не думай так плохо обо мне *(мать уходит)*

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (АНН ИВАНОВНЕ) - Выпейте, вас лихорадит.

АННА – Кто я, и где я? И? Так спрашивал мальчишкой, мой сын.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Настой трав, это вас успокоит...

Анна пьет.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Это только минутное. Впоследствии доставляет удовольствие. Скоро Вы уснете, и ваш сон будет долог и спокоен. Забвение, разве не к этому мы стремимся? Когда вы проснетесь память не сразу вернется к вам. Отблески чудных грез, эхо удивительных мелодий, изнеможение и восторг еще останутся в вас. Пока в ваших глазах горит огонь, огонь подлинного, глубокого чувства рожденного страданием. Впоследствии он покроется дымкой печали, а затем вы забудете и ее причину, но красота останется в вас. Я помогу Вам, я окружу Вас заботой и свободой.

Анна засыпает, АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ *склоняется на колени перед ее кроватью*

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ -- Ваша печаль никогда не станет для вас мукой. Я постараюсь... Вы родите мне сына, он унаследует от вас простоту и чистоту, ясность чувств. Я обеспечу его, я дам ему лучшее образование. Я достаточно богат и независим. Это им кажется, что я торгую совестью. Да, я делаю свою работу по контракту, и делаю её хорошо, и в ней много творчества. Да, в интересах клиента. Да, опираясь на знания, существующие законы и властные структуры; да, используя свои связи и возможности, свою силу, свою власть. Да, это борьба в зале суда. Да. Да. И еще много «да». Да, я хочу видеть вашу улыбку от бесполезного, но очень дорогого подарка. Ваша улыбка похожа на утреннее солнце, когда туман покидает поля. Победа, успех - только это имеет значение, и только ради вас, нашего будущего сына, это -- наслаждение.

Светает

АННА (протягивая руки) - Кто вы??

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Я не отходил от вас всю ночь.

АННА - Вы врач?

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – О, да.

АННА - Я словно нахожусь в каком-то полусне.

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Вы еще очень слабы. Не вставайте.

(Анна словно маленькая девочка подбегает к окну)

АННА – Светает. Поют птицы. то уже было... давно... в детстве, в нашем доме. Вот и сейчас...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ -- ...и это будет всегда.

АННА - Который час?

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Разве это имеет значение.

АННА - Рассвело...

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Холодно. Я так безнадежно устал. Я устал от этих призрачных рассветов, одевающих светом жизнь в тлеющих лохмотьях, эту безжизненную жизнь -- гримасу немощного желания.

АННА - Солнце *(распахивает окно)*

АДВОКАТ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - Не надо. Вы еще очень слабы.

Сцена 17 (26)

Анна видит Мишу, который выводит за ворота тюрьмы. Анна выбегает)

МИША (пугается) – Ма..... Меня выпустили....Меня просто выпустили *(МИША пытается прикрыть за собой дверь ворот, но ее резко толкают с той стороны – Не балуй, шаг в сторону...)*

МИША - ... Меня переводят...

АННА - Как ты мог?! Ты весь дрожишь...

МИША – Мама. Мне надо идти...Я справлюсь. Я написал тебе, нужно найти...ты найдешь...её...Я справлюсь.